

Александра Глазкина

ЗАКЛИНАТЕЛЬ КНИГ

Роман для книголюбителей

Александра Глазкина
Заклинатель книг.
Роман для книголюбителей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390766

ISBN 9785448530371

Аннотация

Среди писателей есть такое понятие, как «синдром второй книги». Неважно, был ли дебютный роман успешным или провальным. Решиться на то, чтобы написать следующий, очень сложно. Так и в жизни, прошлое вынуждает нас осторожничать. Или мы боимся того, что новое не сравнится с прошлым счастьем, или боимся повторной неудачи. Но есть только один способ узнать, что будет – взять ручку и писать. Иначе на полке так и останется одна-единственная книга, которую придется перечитывать всю оставшуюся жизнь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	57
Глава 7	67
Глава 8	84
Глава 9	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Заклинатель книг

Роман для книголюбителей

Александра Глазкина

© Александра Глазкина, 2018

ISBN 978-5-4485-3037-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Хватит прятаться, милая, – вкрадчиво произнес Саймон, не оборачиваясь, – я знаю, что ты здесь! Выходи!

Поколебавшись, я вышла к нему. Он обернулся и одарил меня улыбкой, от которой мне стало жутко. Всполохи огня за спиной создавали вокруг его силуэта ореол, на стены ложились неровные тени.

– Похоже, ты проникла в мою маленькую тайну, Уна? И что теперь прикажешь с тобой делать, а?

Вопрос, не предвещавший для меня ничего хорошего...

Глава 1

Я – вымышленный персонаж. Хотя бы потому, что все, рассказанное здесь, пропущено через фильтр. До сердцевины не доберешься. Мы раскрываем другим только то, что считаем нужным, суть же оставляем себе. Саймон учил, что повествование от первого лица ограничено, и не каждый сможет вытянуть его так, чтобы читателя захватило и не оставляло до последней строчки. Но разве нашу жизнь мы видим иначе? Только так, только своими глазами, и неважно какова она, объективная реальность. Что было на самом деле, а что – лишь игра моего воображения?

Никто не сможет достоверно рассказать о том, что с ним произошло. Под давлением времени восприятие меняется, мы не можем передать, что чувствовали, мы передаем то, что кажется нам реальным сейчас. Что-то стирается из памяти, что-то становится ярче, появляются новые смыслы и рождаются новые образы, не имеющие никакого отношения к нам в тот момент. Наступает момент, когда прошлое настойчиво требует, чтобы его облекли в слова и дали ему новое продолжение.

Только пройдя весь путь, мы можем сказать, что он принес – постижение или разочарование. А пока мы находимся внутри событий, то, словно во тьме, нащупываем то направление, в котором нужно двигаться, чтобы не сбиться, не уве-

сти свою душу в те лабиринты, из которых уже не найдется выхода.

Меня зовут Ульяна Совершенная. Наивные люди полагают, если у тебя незаурядное имя, то и жизнь должна быть необычной, увлекательной, полной приключений и тайн. Будь я, скажем, Машей Ивановой, никого бы не удивило, работай я официанткой в придорожной забегаловке или (как собственно и есть) библиотекарем. Но Ульяна Совершенная – о, девушка с таким именем обречена на то, чтобы доказывать всем свою исключительность. Я же, по иронии судьбы, росла тихим и домашним ребенком, никак не оправдывала звучное имя и ничем не выделялась среди сверстников.

Кстати, последние, как водится, немало поиздевались надо мной. Я была и Улиткой, и Яной-обезьяной, и Пчелой, потому что они в ульях живут. Самая изощренная насмешка, когда кто-нибудь из мальчишек тянул: «Ну, ты, Совершенная...» Дура, читалось за скобками. Не знаю, чем руководствуются родители, давая детям необычные имена, но всегда сочувствую жертвам подобных экспериментов.

Сама я долго не могла определиться, на каком производном имени остановиться и как называться в компании при знакомстве. Поэтому предоставляла собеседнику самостоятельно решать этот непростой вопрос. Чаще всего обращались – Уля. Уля, так Уля. Теоретически я могла бы сменить имя при получении паспорта, но не хватило решимости, к тому же я так и не придумала подходящего варианта.

Осознание собственной значимости пришло ко мне намного позже, в ходе событий, о которых я и собираюсь рассказать. Идея отправить Саймону Чармеру письмо была своеобразной попыткой совершить хоть что-то, выходящее за рамки моей бесцветной, с некоторых пор, жизни. Сама не знаю, что на меня нашло в тот вечер! Видимо, слишком велико оказалось влияние его последней книги, которую я дочитывала после окончания рабочего дня.

И вот, мечтая о прекрасном мире и завораживающих приключениях, я отложила книгу и подошла к окну. На землю спускались мягкие сумерки. Библиотека располагалась в старинном здании, построенном близко к реке. На пляже, который хорошо просматривался с высоты четвертого этажа, жгли костры. Молодежь отмечала праздник летнего солнцестояния. Теперь день пойдет на убыль. Впрочем, мои будни последние несколько лет слились в равномерную серую полосу. Что я делаю, на что трачу свое время? Меня выбросило из потока жизни, ориентиры сбились. А я жду, что все решится само собой.

Раньше, когда я читала о том, как у людей «в одночасье жизнь перевернулась», то никогда не верила в это. Не может человек кардинально измениться в короткие сроки, пересмотреть свои взгляды и уж, тем более, поведение. Теперь я поняла, что резким переменам предшествует длительный процесс, когда накапливаются впечатления, размышления, чувства. А потом достаточно толчка, незначительного собы-

тия, невзначай брошенной фразы, чтобы все стало на свои места или, наоборот, с ног на голову. Чтобы сложилась цельная картинка происходящего – или реальности, которую никак не мог ухватить за хвост и получал в виде разрозненных образов и смутных ощущений, или реальности, которая нова, дика и неожиданна, но предельно необходима для нового тебя.

В книгах таким стимулом чаще всего служат полярные условия: или герой попадает в экстремальную ситуацию, оказывается на грани жизни и смерти, теряет кого-то близкого, работу, а то и все сразу. Так случилось и у меня, заставив опустить руки, затаиться и бездействовать на протяжении нескольких лет. Или, напротив, после бесконечной круговерти получает неожиданную передышку и вот, когда неспешно шествует по кромке прилива, на него снисходит озарение. Так происходит теперь, ведь только что мне явили пример, как славный герой побеждает само время, перекраивая реальность под собственные интересы. Это – лишь философская фантастика? Ну и что! Я давно уже доверяла книгам больше, чем жизни. О чем и написала Саймону.

И неделю спустя обнаружила в своем почтовом ящике ответ. Пришлось трижды перечитать письмо, чтобы его смысл, наконец, дошел до меня.

«Дорогая Ульяна, позвольте мне, прежде всего, поблагодарить Вас за письмо! Не скрою, я получаю много восторженных отзывов от поклонников моего таланта, но такой

изящный слог, наблюдательность и острый ум – большая редкость. А уж отсутствие ошибок – и вовсе чудо из чудес! Далее осмелюсь предложить Вам расстаться с работой, о которой пишете с такой грустью, и принять мое предложение. Дело в том, что мне давно уже требуется личный помощник. в связи с переездом в моей личной библиотеке царит полный хаос. Вы же, насколько я могу судить, полностью соответствуете моим требованиям к данной должности: образованы, умны, разбираетесь в литературе и имеете опыт работы с каталогами! Что это, как не счастливое совпадение? Как не тот уникальный шанс, о котором Вы мечтали? Жду Вашего решения. Если Вы согласны, свяжитесь со мной по указанному ниже телефону, обсудим детали.

С искренним восхищением, Саймон Чармер!»

Если честно, сначала я была уверена, что меня разыгрывают. Я писала по-английски – мне ответили на русском. Я писала, что живу в провинциальном российском городке – меня приглашали в Америку. Что-то не так. Интересоваться биографиями любимых авторов я зареклась давно, после того, как узнала, что Ричард и Лесли, о любви которых сам Бах писал с такой убедительностью, развелись. Ну а Макс Фрай, в которого я заочно почти влюбилась по его текстам, и вовсе оказался женщиной! Это приучило меня разделять образы героев и их создателей.

Но сейчас, движимая любопытством, я зашла на официальный сайт автора и с удивлением обнаружила, что настоя-

щее его имя – Семен Чернов. В начале девяностых он эмигрировал в Америку, где и вышел его первый бестселлер. С тех пор Саймон опубликовал два десятка книг, издающихся многотысячными тиражами по всему миру. Десять лет назад вернулся в Россию. Жил в Москве, а весной переехал в Привольск, городок, находящийся в двух часах езды от него.

Саймон Чармер живет в соседнем городе? Немыслимо! Он приглашает меня на работу? Невероятно! Разве, как справедливо заметил Саймон, это не тот желанный поворот в судьбе, которого я ждала? После всего, что со мной случилось, я понимала – нужно что-то менять. Да, я притерпелась к любопытным и сочувствующим взглядам. Научилась пропускать мимо ушей намеки и колкости. Приспособилась к существованию бок о бок с мамой, заключенной в кокон своих переживаний. Но новизны я все же хотела, вот только мне не хватало решимости сделать первый шаг. Так и произошло то, что называют «жизнь переменялась». Для этого хватило впечатления от прочитанного романа и смелости, чтобы написать автору.

Когда я набрала телефонный номер, уверенная, что услышу лишь короткие гудки, мне ответили! Бархатистый, завораживающий голос. И что, вы думаете, я сделала? Конечно, бросила трубку! Теперь, когда мечта обрела вполне реальные очертания, ничего на свете я не хотела больше, чем вернуться в уютное прибежище библиотечных стен.

Остаток дня прошел в мучительных размышлениях, сомнениях и слезах. Расслабиться я смогла лишь тогда, когда увидела, что час уже поздний, и повторно звонить в такое время просто неприлично!

Первое, что увидела утром, открыв глаза, – распечатанное письмо на прикроватной тумбочке. Немой укор моему мало-душью. Даже если из этой затеи ничего не выйдет, нужно хотя бы попытаться, убеждала я себя. Час провела, бесцельно слоняясь по дому и размышляя, что стоит брать с собой (да-да, я уже настроилась, что Саймон возьмет меня на работу).

Эта ничем не обоснованная уверенность и помогла выстроить разговор в довольно непринужденной манере. Мы оговорили формальности, я получила указания, куда и когда приезжать. Меня немного смутил тот факт, что жить я буду у Саймона дома, но он, видимо, почувствовав заминку в беседе, успокоил, что с ним живут жена, мама и дочка, так что все приличия будут соблюдены. Дальше разговор тек в более свободном русле. Даже в ответ на реплику, что вчера звонок, должно быть, сорвался, я честно призналась, что струсилa. Мой собеседник рассмеялся:

– Только смелый способен признаться в своей слабости. Так что, Ульяна, важнее, что сегодня Вы все же позвонили.

У меня назрел еще вопрос: неужели он готов принять меня на работу заочно, не видя? Почему не назначил собеседование, например, в скайпе? Разговоры разговорами, а личное впечатление – совсем другое дело! Впрочем, если для

Саймона это неважно, то я, тем более, не буду переживать.

Трубку я положила в приподнятом настроении духа, чего не случалось уже давно. Мне предстояло уволиться, объясниться с мамой, собрать вещи. Но все это казалось несущественным по сравнению с блестящей перспективой окунуться в новую атмосферу. До текущего момента я читала книги. Теперь мне предстояло узнать, как они создаются.

Книги для тех, кто решился на перемены

1. Гунель Л. *«Господь Бог всегда путешествует инкогнито»*
2. Крайон. *«Возвращение домой»*
3. Блази М. *«Тысяча дней в Венеции»*
4. Мейл П. *«Хороший год»*
5. Бах Р. *«Чайка по имени Джонатан Ливингстон»*
6. Милети М. *«Послевкусие»*
7. Ахерн С. *«Время моей жизни»*
8. Бетс Р. *«Выбрасываем старые ботинки»*
9. Эванс Р. П. *«Путь»*
10. Холден Р. *«Начинаю новую жизнь»*

Глава 2

Прибытие героини в незнакомое место – сюжет интригующий и непредсказуемый. Варианты развития событий здесь практически неисчерпаемы. Семейная тайна, поиск сокровищ, новая любовь, шанс прославиться, обретение душевного равновесия, захватывающие приключения. Все это начинается с безобидного появления героини в шумном большом городе, старинном замке или чарующей красоты приморском поселке.

Открывая книгу с подобной завязкой, я чуть ли не руки потирала от удовольствия. И, несмотря на то, что часто меня поджидало вялотекущее действие, приторные герои, скучные диалоги и банальный хэппи-энд, все равно было интересно, как же выкрутится автор из запутанной им же самим интриги.

Сейчас я чувствовала себя такой вот героиней. И хотя антуражем служил сонный, провинциальный городок, похожий на тот, который я только что без сожаления покинула, встреча с известным писателем уже вводила меня в трепет!

Если опоздания – привычка большинства моих знакомых, то хотя бы тут я умудрилась отличиться. Всегда и везде я прихожу не просто вовремя, а заранее, сильно заранее. Вот и сейчас до встречи с Саймоном оставалось полчаса, а я уже в нетерпении приплясывала под дверью. По указанно-

му адресу располагался книжный магазин, что меня изрядно удивило. На двери красовалась табличка «закрито», а судя по новинкам, выставленным в витрине, время в магазине отставало почти на год. Я-то думала, что попаду к Чармеру домой. Если у него тут встреча с читателями, почему закрыто? Может, это все-таки розыгрыш? Или он проверяет меня на сообразительность? Наблюдает из-за угла, как я поступлю? Я даже огляделась по сторонам, что, конечно, было глупо. Не станет же известный писатель прятаться, забавляясь ситуацией!

Поколебавшись, я зашла в магазинчик галантереи по соседству. Продавщица, милая улыбчивая девушка с невероятной копной рыжих волос, подтвердила, что соседнее здание и впрямь принадлежит Саймону. Он выкупил его весной, правда, заново открывать не собирается, к большому сожалению местных книголюбов. Живет за городом, в элитном коттеджном поселке, но периодически появляется здесь. Я легко представила, о чем речь, почти в каждом провинциальном городе есть район, где предпочитают строиться самые богатые люди города. Огромные особняки на внушительной территории за высокими каменными заборами.

Информация меня успокоила и, поблагодарив девушку, я вернулась на улицу. Именно в тот момент, когда я подошла к книжному, из-за угла показался он, Саймон Чармер собственной персоной! У меня сбилось дыхание. Я внезапно поняла, что Саймон – великолепный представитель не толь-

ко писательской братии, но и рода мужского. При взгляде на растрепанные кудри, серые глаза с лукавым прищуром, белозубую улыбку и решительную походку, меньше всего думалось о секретах создания книг. Странно, на фотографиях с сайта он выглядел совсем по-другому и не произвел на меня впечатления. Видимо, тот случай, когда все зависит не от статичной картинки, а от живого обаяния.

– Добрый день! – улыбка Саймона пронзала навывлет. – Вижу, вижу, у Вас есть вопросы, на которые я обязательно отвечу в самое ближайшее время! Прошу!

Он отомкнул дверь магазина и пригласил меня внутрь. Сквозь полуспущенные жалюзи солнечный свет едва пробирался, но и этого хватало, чтобы оценить масштабы запустения, царившего внутри. Пыль и беспорядок, стопки книг, коробки и ящики. Саймон, не обращая на окружающий хаос внимания, пронесся через зал и поднялся по лестнице на второй этаж. Я едва поспевала за ним. Через мгновение мы оказались в комнате, также заваленной книгами, и Саймон пригласил меня располагаться на диванчике у окна.

– Ульяна, я возлагаю на Вас большие надежды в работе с данным магазином. Я выкупил его после банкротства, и возродить бизнес не намерен. Для меня это всего лишь возможность восстановить утраченную библиотеку. Насколько я понимаю, у Вас есть подходящий для этого опыт. Впрочем, к работе Вы приступите завтра, а сегодня я даю время, чтобы освоиться и отдохнуть. Пойдемте, я пока-

жу Вам картину предстоящих работ, объясню вкратце, что к чему.

Саймон провел меня по тихим помещениям, сопровождая экскурсию рассказом об истории магазина. Здание дореволюционной постройки, с высокими потолками, колоннами и лепниной, к счастью, избежало современного ремонта с его уродливыми пластиковыми панелями, но при этом неоднократно реставрировалось. Когда-то, как водится, здесь был дом зажиточного купца, после революции его отдали под архив, в разные времена здесь располагались то контора госстраха, ателье, банк. В лихие девяностые здание выкупил предприимчивый бизнесмен и открыл магазин стройматериалов. А когда перебрался в Москву, щедрым жестом отписал магазин тестю, который сменил профиль с красок и обоев на книги.

По мнению Саймона под щедрым жестом подразумевалось стремление скрыться от налоговой и бандитских разборок. С точки зрения здравого смысла и экономической выгоды никакого резона держать такое огромное помещение для книг не было. Но, видимо, были какие-то неведомые причины, по которым последние пятнадцать лет над дверью красовалась вывеска «Книжная лавка».

– Я всего лишь воспользовался ситуацией и успел перехватить сделку. Конечно, не все местные дельцы довольны таким поворотом. Здание в торговом центре города представляет собой лакомый кусочек. Но, к счастью, сей-

час настали времена, когда решающую роль играют деньги, а не авторитет. Ульяна, вижу, я утомил Вас подробностями. Остальное расскажу Вам завтра, а сейчас поедemте домой.

Его автомобиль, припаркованный за углом, был роскошным, но функциональным. Впрочем, я уже начинала понимать, что Саймон не привык себе ни в чем отказывать и был идеален во всем, что касается вкуса и стиля. Это было видно по тому, как он держался, разговаривал, был одет. Да и поступки говорили сами за себя: выкупить книжный магазин, чтобы не утруждать себя сбором библиотеки. В то же время в нем не было высокомерия, свойственного богатым и знаменитым по отношению к обычным людям. Да, держался он несколько снисходительно, но чувствовалось, что он искренне интересуется мыслями и чувствами собеседника. И это было очень приятно.

В дороге мы разговаривали мало. Я разглядывала мелькающие за окном улицы, робея повернуть голову в сторону Саймона. Он, судя по легкой усмешке, с которой задавал мне вопросы, догадался о моем состоянии. Собственно, наш диалог ограничился тем, что он сообщил о переезде сюда весной. Потом спросил:

– А Вы не водите машину?

– Нет, – ответила я, внутренне сжавшись в ожидании распросов.

Но их не последовало.

– Что ж, хотя Ваша работа, в основном, будет проходить

в магазине, а жить Вам предстоит здесь, думаю, затруднений не возникнет. Вас будет отвозить Матвей. Да я и сам, и моя старшая дочь, часто навещаемся в город, так что всегда будет, кому Вас подбросить. На крайний случай, конечно, можно вызвать такси.

– Спасибо! – поблагодарила я его, причем моя признательность относилась, в большей степени к тому, что он не стал расспрашивать, почему я не вожу машину. Об истинном положении дел я распространяться не собиралась. Вообще лишний раз не хотелось думать на эту тему. Зато, любясь окрестностями, я поняла, если позволит время, с удовольствием буду ходить пешком. Кто такой Матвей, я спросить не решилась. Наверное, охранник или водитель.

После череды виноградников и лесопосадок показался поселок. Саймон остановил машину возле двухэтажного дома немного вычурной постройки, но увитого плетущейся розой, что смягчало впечатление. Внушительной высоты каменный забор, увенчанный ажурной ковкой, надежно скрывал двор от любопытных глаз. Все солидно и основательно. Настоящее поместье богача.

На минуту я представила, как у крыльца длинной вереницей выстраивается челядь, с поклонами приветствуя своего хозяина и его гостей. Уж больно хорошо вписывалась подобная картинка в окружающую обстановку. Но ничего подобного, конечно, не произошло. Саймон сам занес мой чемодан в дом, а потом, уже в холле, крикнул. На его зов из глубины

дома появилась сухопарая высокая дама. Явно пенсионного возраста, но назвать ее старушкой я бы не рискнула: статная фигура ухоженная прическа, маникюр.

– Мама, это наша гостья, о которой я тебе говорил. Ульяна, моя новая помощница. Ульяна, это моя мама, Мила Сергеевна. Хозяйка и душа нашего дома, так что по любым вопросам можете смело обращаться к ней.

Что хозяйка, видно сразу. Насчет души я пока сомневалась, есть ли она у суровой особы, которая кольнула взглядом, поджала губы, дав понять, что отнюдь не испытывает восторга от моего появления. Да, смелость мне явно пригодится! Что ж, ладно, с этим разберемся позже. А Саймон, не обращая внимания на ее реакцию, повернулся ко мне:

– Пойдемте, я провожу Вас в комнату. В два часа ждем Вас к обеду. Мы обычно едим вместе, а пока можете отдохнуть с дороги.

Вот за что мне уже нравился Саймон, так это за основательный подход. Ни суеты, ни рассеянности, свойственной творческим личностям. Все четко и по существу!

Я оказалась в чистенькой уютной комнате, выдержанной в бело-синих тонах. Широкая кровать, резная мебель, букет полевых цветов на прикроватной тумбочке. Ноутбук и принтер на письменном столе и этажерка для книг. Ванная комната по соседству. Я сразу почувствовала себя важной персоной. Интересно, если такие условия Саймон предоставляет гостям, то каковы его апартаменты? Тут же я одернула себя.

В его доме, наверняка, просто нет плохих комнат. Не стоит обольщаться и мнить о себе больше, чем следует.

В любом случае, пока перспективы пребывания здесь вырисовывались самые блестящие. Красивый дом, интересное дело, приветливый работодатель. Глупо звучит, но как мне называть Саймона, я еще не определила. Картину несколько омрачало поведение Милы Сергеевны. Она постучалась в дверь сразу же, как комнату покинул Саймон. Наскоро проговорила мне правила поведения в доме. В кабинет Саймона без приглашения не входить, ванной пользоваться только на первом этаже, курить в саду, пользоваться бассейном с разрешения хозяина, если таковое будет получено. Все это было произнесено с неприветливым видом, словно я вернула ей любимую книгу с растрепанными и запачканными страницами.

Я немного постояла у окна. Странное все-таки чувство. Вокруг поля подсолнечника и огороды, обветшалые хутора и непрезентабельные городишки, а я словно перенеслась в книгу Джейн Остин. Мир изысканности, размеренности и привлекательных персонажей. Потом я разложила вещи. Поколебавшись, оставила на прикроватной тумбочке заветную книгу. Погладила обложку и в который раз загадала, что когда-нибудь ее открою. Позвонила маме.

– Я на месте, все хорошо.

– Вот и ладно. Отдыхай.

Это не было безразличием, я знала, она беспокоится, что

я вдруг сорвалась с места и уехала неведомо куда. Но не было здесь и проявления материнской мудрости, мол, ребенок давно вырос и строит свою жизнь сам. Скорее, невидимый барьер, что разделял нас последние несколько лет и преодолевать который у нас обеих не было ни сил, ни желания. Меня вновь захлестнули эмоции.

Обида – неблагоприятное чувство, разрушительное. Злость была бы более продуктивной, покричать, пошвыряться чем-нибудь, выпустить пар. Но злиться я не умела. Почему, почему родители не любили меня так, как мне хотелось? Возможно ли вообще такое – получать именно ту порцию и ту вариацию любви, что необходимо? Может, они просто не умели по-другому?

Нет, я не хочу их оправдывать. Когда я обижалась, то в какой-то момент просто начинала задыхаться от переполнявших меня эмоций. Что делать? Только искать способ, отвлекающий от этих мыслей. Прогулки не подойдут, нужно занимать голову. И вот тогда я брала в руки книгу, забиралась в укромный уголок и переносилась в мир, далекий от моих переживаний.

Если захотеть, всему можно научиться. «Я не могу контролировать мысли. Я не могу справиться с эмоциями». Значит ли, что часть сильнее целого? Значит ли, что я – не хозяйка себе? Я – нечто нематериальное, вокруг которого слоями нарастают телесные ощущения, веления сердца, логика и эмоции. Я могу преодолеть влияние того, что идет изнут-

ри, потому что все это вторично». Так я убеждала себя много лет, и, наконец, победила. Поддавалась и боли, и переживаниям, но научилась тушить внутренний костер прежде, чем от моей души останется пепелище.

Положив трубку, я ощутила одновременно и раскаяние, и облегчение. Может, в нашем случае вылечит не время, а расстояние?

Глава 3

Спустившись в столовую, я остановилась в замешательстве, потому что никого не обнаружила. В кухне тоже пусто.

– В теплое время мы едим на веранде, – раздался голос за моей спиной.

Я обернулась и увидела Милу Сергеевну. Она взяла в руки поднос с супницей и кивнула:

– Идемте, я Вас провожу.

Я поблагодарила ее и двинулась следом.

– Вам помочь?

Она бросила на меня оценивающий взгляд. Считает, что я подлизываюсь?

– Захватите плетенку с хлебом.

На веранде, увитой виноградом, за добротным деревянным столом с резными ножками, уже сидели Саймон и еще двое. Молодая женщина с очень красивыми длинными белокурыми волосами и девушка, глядя в серебристо-серые глаза которой можно было не сомневаться – это дочка Саймона. Действительно, Сабрина, была его старшей дочерью, а блондинка оказалась его женой, Анжелой. Несложно догадаться, что не первой, так как по возрасту она никак не могла быть матерью Сабрине. Мила Сергеевна таким же решительным кивком на дальний угол стола обозначила, где мне сесть, словно подчеркивая мое подчиненное положение. Вместо

обида я почувствовала веселье, уж очень она переигрывала. Что ж, будем считать это проверкой на прочность. Решив не обращать внимания на чопорную «домоправительницу», я сосредоточилась на соседках по столу.

Обе они поприветствовали меня вежливо, но отстраненно. И если равнодушие Сабрины было стандартной реакцией девушки-подростка на малознакомого человека, от которого ей ничего не надо, то реакция Анжелы была другого толка. Она отличалась какой-то меланхоличной отрешенностью от происходящего вокруг, как будто витала в своих мыслях. На вопросы Саймона отвечала не сразу, словно ей требовалось усилие, чтобы понять, о чем ее спрашивают. Я даже заподозрила, что у нее не все в порядке с головой, но, как выяснилось позже, совершенно безосновательно. Казалось, Анжела скользила по поверхности жизни, не утруждая себя глубокими размышлениями или яркими эмоциями. Странно, что Саймон выбрал такую женщину в жены.

Сабрина же вела себя в полном соответствии со статусом избалованной дочки богатого и знаменитого отца. В меру скучала, в меру дерзила, на вопросы отвечала с ленцой. Капризно поджимала губы, словно обижаясь, что к ней пристают с какими-то глупостями. Она была очень юной, очень хорошенькой, умной девочкой, но держала всех на расстоянии, словно опасалась подвоха. Впрочем, если Анжела – ее мачеха, значит, она пережила развод родителей. Достаточно веская причина, чтобы испытывать недоверие к окружающим.

Пока я пыталась понять, как мне вести себя с двумя новыми персонажами нашей пьесы, Саймон спросил у Анжелы:

– А где Илона? Заигралась?

Ответила ему не жена, а Мила Сергеевна:

– Нет, побежала Баска кормить.

В этот же момент под навес, запыхавшись, примчалась девчушка в ярком платье. У меня заколотилось сердце. Господи, как же она похожа на Лину! Девочка оглядела присутствующих и, обнаружив незнакомое лицо, тут же спряталась за спину Саймона. Тот притянул ее к себе:

– Ну, же, детка, не смущайся! Иди и познакомься с нашей гостьей, как положено маленькой хозяйке.

Девочка прижалась к его широкому плечу и, видимо ощутив себя под надежной защитой, принялась вновь меня разглядывать. Саймон потрепал ее светлые кудри:

– Это моя младшая дочь, Илона. А это – Ульяна, она будет жить с нами и помогать мне в моих делах.

Я спохватилась, что сжимаю вилку так, что костяшки пальцев побелели, и постаралась расслабиться. Весь обед осторожно следила за Илоной. Преодолев первое смущение, она освоилась и защебетала. Лица всех домочадцев озарялись умильной улыбкой, когда она обращалась к ним с миллионом вопросов. Даже Сабрина меняла свой капризно-пренебрежительный тон на ласково-воркующий. Хотя, по идее, могла испытывать к ней вполне обоснованную ревность.

Наспех проглотив пару ложек супа, Илона схватила бу-

лочку и принялась выковыривать из нее изюм, устроившись на коленях у отца. Но уже через пару минут вскочила и принялась бегать вокруг стола. Непоседа. Совсем, как Лина, опять подумалось мне.

Наблюдая за девочкой, я пропустила часть разговора, который вели Саймон с Милой Сергеевной, и очнулась лишь тогда, когда настойчиво повторили мое имя. Речь шла о том, что на остаток дня Саймон предложил мне отдохнуть и найти занятие себе по вкусу.

– Матвей вернулся? – спросил Саймон у матери и, получив отрицательный ответ, продолжил, обращаясь уже ко мне:

– Тогда, Ульяна, жду Вас завтра в восемь, сам отвезу Вас в город и там все объясню. Так будет удобнее, нагляднее.

При этих словах Анжела быстро посмотрела на него, потом на меня, после чего вновь погрузилась в задумчивость. Я догадалась, о чем она подумала. У мужа появляется помощница, которую он лично собирается возить на работу. Мне стало неловко. Меньше всего мне хотелось бы стать причиной раздора между Саймоном и его женой. До этого я работала исключительно в дамском коллективе и никогда не сталкивалась ни с мужскими поползновениями, ни с женской подозрительностью. Да и Саймон не производил впечатления человека, который с легкостью способен завести интрижку с подчиненной. И все же слова его о «наглядности» прозвучали несколько двусмысленно, но Анжела ограничилась

взглядом и ни единого слова не произнесла.

Предоставленная сама себе, я решила осмотреть двор, благо последние несколько дней шли дожди, сбившие жару. Захватила с собой книгу и яблоко на случай, если найду какое-нибудь уютное местечко. Посыпанные цветным гравием дорожки выводили меня то к бассейну, то к детской площадке, то к многочисленным хозяйственным постройкам. Между этими зонами был разбит прекрасный ухоженный цветник. Мой взгляд выхватывал новые интересные детали: изящный фонтанчик, садовые фигурки в зарослях, жестяные фонари с витыми абажурами на столбах.

Цветник сменился небольшим огородом – грядки с зеленью, огурцы-помидоры, капуста. Тыквы, по размеру пока еще способные служить каретой лишь для кукол Золушки. Кусты малины и крыжовника. В своих поисках я дошла до решетчатого забора, весьма условно отделявшего наш двор от соседнего. Там, в глубине, мелькнула внушительных размеров тень, видимо собачья, и я поспешно отступила. Побрела туда, где низкая ограда отделяла огород от сада. Деревьев было десятка два, вишневых, яблоневых, абрикосовых. Я пожалела, что не застала здесь весну. Наверняка цветущий сад представляет собой прекрасное зрелище.

Затем я пошла вниз по тропинке, заросшей травой. И почти сразу увидела реку. Значит, дом стоит на берегу?! Вот здорово! Интересно, а купаться здесь можно? В бассейне плавать я бы не рискнула, как-то непривычно, а в речке –

с удовольствием! Берег зарос камышом, но вглубь уходил дощатый настил, с которого удобно нырять. К нему была привязана деревянная лодка. Перед настилом вытоптан пяточок земли, а чуть в стороне росло одинокое раскидистое деревце, под которым хорошо отдыхать в тени. Там я и расположилась, отдавшись плавному течению мыслей.

У реки хорошо думается. Есть поверье, что текущей воде можно рассказать плохой сон или грустные мысли, и они вернутся туда, откуда пришли. Я верила в это, ведь когда сидишь на берегу, слушаешь шум ветра в камышах, тихий плеск волн, смотришь, как разбегаются по воде солнечные блики, а небо любит свое отражение в речном зеркале, все тревоги и беспокойные мысли потихоньку утекают прочь, растворяются, и душа наполняется умиротворением. Я не знала, сколько открытий мне еще предстоит сделать, но уже понимала, что буду часто приходить сюда.

Под птичье чириканье и шуршание камышей легко было забыть о существовании других людей. Но мысленно я все же вернулась к тем, с кем сегодня познакомилась. Саймон великолепен. Именно таким я его и представляла. Уверена, работать под его началом будет легко, приятно и увлекательно. Я отдавала себе отчет, что невольно приписываю ему качества, которыми он, возможно, не обладает; чувства и мысли его персонажей. Но и нескольких часов общения мне хватило, чтобы понять: Саймон – человек цельный, ясный, внимательный к окружающим и искренне стремящийся понять

людей. Допускаю, он делает это для собственного душевного комфорта. Что куда лучше, чем провоцировать конфликты, с целью получить так называемую «творческую подпитку».

Когда-то мне рассказывали о писателе, который намеренно стравливал своих родных, друзей и коллег, а потом «по горячим следам» записывал их диалоги и реакцию. Спровоцировать несложно. Намек здесь, многозначительный взгляд там, косая усмешка, фраза, оборванная на полуслове. В поведении Саймона не наблюдалось ничего подобного. Или он настолько искусный манипулятор, что я этого пока не заметила? Нет, так думать про него мне совсем не хотелось!

Анжела немного странная, но, думаю, с ней не будет хлопот. Такие люди склонны с легкостью игнорировать окружающих, будучи слишком сосредоточены на себе. Не очень-то они с Саймоном похожи на любящих супругов, но меня это не касается. Девчонки очаровательны. Сабрину хотелось узнать поближе, но, наверное, это будет нелегко. При мысли об Илоне я вздохнула. Впервые за последние годы мое сердце встрепенулось и ожило. До этого момента мне было просто больно, невыносимо больно, хотя я уже научилась прятать боль и жить, стараясь не думать о случившемся. Появление этой ясноглазой девочки, легкой, как весеннее облако и веселой, как птичка, сбilo меня с ног. Но именно в этот момент я поняла, что придется отпустить эту боль и окончательно проститься с воспоминаниями о Лине.

Усилием воли я переключилась с невеселых мыслей

на оставшихся персонажей моей новой истории. Мила Сергеевна. Сына боготворит и в то же время считает допустимым возражать ему. По отношению к Анжеле держится с легким пренебрежением, которую лишь слегка маскирует. Ко мне обращается подчеркнуто вежливо, но словно намекая, что чем-то мое присутствие здесь ее не устраивает. Ладно, со временем разберемся.

Оставался еще Матвей, как я поняла, то ли водитель, то ли садовник Саймона, который должен вернуться через пару дней. Почему-то представился добродушный усатый толстячок средних лет, который раздражает Милу Сергеевну своими манерами, хотя втайне она питает к нему слабость. Мне стало смешно. Похоже, многочисленные сериалы, которыми развлекала себя мама, повлияли и на мое подсознание, если оно рисует подобные картинки.

Честно говоря, поневоле я вспоминала опыт книжных героинь, которым суждено было играть роль приживалок и бедных родственниц в доме богатых родственников. Пребывая в гостях, даже в комфортабельном доме и с дружелюбными хозяевами, все равно чувствуешь себя немного неуютно. Я не была ни гостьей, ни приживалкой, но и в роли наемной сотрудницы, живущей в одних стенах с начальником, чувствовала себя непривычно.

В то же время я видела, что домочадцы Саймона восприняли мое появление абсолютно спокойно. Как будто появление в доме чужачки в порядке вещей. Может, в Москве

у них тоже кто-то был: служанка или няня, или еще одна секретарша у Саймона. Или сейчас кто-то есть, просто я еще не видела? Мила Сергеевна наверняка не сама справляется с ведением хозяйства? Судя по Анжеле, та вряд ли снисходит до бытовых проблем. Сабрина, как я поняла, приехала только на каникулы, а учится в Москве. С маленькой Илоны спроса нет. Саймон, как мне думалось, поглощен творческой деятельностью и вряд ли будет чинить краны или выносить мусор. В его случае, впрочем, это было оправдано. Как я понимаю, достаток, в котором живет семья – результат его плодотворной деятельности.

Ладно, к любому положению можно привыкнуть. Тем более, для меня главным было то, что я уехала из дома, здесь меня никто не знает. Можно передохнуть и попробовать жить спокойно.

Закончив на этом, я погрузилась в чтение и просидела так, пока не стало смеркаться. Возвращаясь, увидела, как мягко светятся сквозь густую листву окна главного дома и меня охватило радостное предвкушение чего-то необычного. Все сомнения и тревоги улетучились, сменившись приподнятым настроением. Как же я рада, что приехала сюда!

В дверях я столкнулась с Милой Сергеевной. Мне показалось, что она встревожена.

– Забыла предупредить, в десять часов вечера мы выпускаем собаку во двор, на всю ночь.

У меня прошлись мурашки по спине, когда я вспомнила

тень за забором. Значит, второй двор тоже принадлежит им?

– Спасибо, что сказали.

– Извините, – бросила она мне в спину.

На часах было без четверти десять.

Глава 4

– Как Вы понимаете, в стране, выросшей на гайдаевских фильмах, «Семен Семеныч» звучит как приговор!

Я невольно улыбнулась.

Мы сидели в кабинете Саймона, огромной комнате, из окон которой открывался прекрасный вид на излучину реки. В свете утреннего солнца она сияла, как расплавленное серебро.

Саймон только что объяснил мне, почему предпочитает пользоваться псевдонимом и в повседневной жизни.

– В связи с этим у меня к Вам один вопрос. Так сложилось, что мое окружение – это и русские, и американцы. Поэтому возникла традиция: каждый сам выбирает, какой версией имени он хочет пользоваться: русской или иностранной, полной или сокращенной. Ульяна – прекрасное имя, но сейчас Вам нужно решить, какое обращение Вы хотите слышать, общаясь со мной.

Я растерялась, потом сбивчиво объяснила ему отношение к собственному имени.

– На усмотрение собеседника, говорите? И в то же время ни Яна, ни Уля Вам не нравятся? Что ж, тогда позвольте посамовольничать и «схлопнуть» Ваше имя. Уна.

И не дожидаясь моего согласия, Саймон продолжил:

– Нам дана великая власть, Уна: с помощью имен и на-

званий утверждать свое господство над миром. Вы ведь чувствуете, как что-то меняется, стоит подобрать предмету или явлению правильное определение? Сейчас Вы не просто выбираете себе имя, Вы выбираете судьбу!

Тут же, видимо, смягчая пафос, он улыбнулся. Я ответила:

– Наверное, мне нужно будет привыкнуть.

– И еще одно, давайте перейдем на «ты». Не терплю официоза.

Я растерялась, как-то непривычно. В итоге мы сошлись, что обращаемся друг к другу по имени, но Саймон ко мне – на «ты», а я к нему – на «Вы».

– С этим разобрались! Теперь поедem в магазин, твои задачи я объясню на месте.

В магазине со вчерашнего дня ничего не изменилось, но ощущение у меня было совсем другое. Вчера я была больше сосредоточена на персоне Саймона, сегодня проникалась атмосферой, которая мне всегда так нравилась: книги, книги, книги. Библиотека, в которой я работала, не отличалась разнообразием: детективы, любовные романы и второсортная фантастика. Именно поэтому долгожданные новинки сначала читались из-под полы сотрудницами, а уже потом выставлялись на полки, как это произошло с последним романом Чармера. Здесь же, несмотря на год простоя, меня ждали настоящие сокровища, судя по тем названиям, которые я успела прочесть краем глаза.

Я пришла в радостное возбуждение. Такое, наверное, испытывает сладкоежка перед витриной кондитерской или любительница украшений в ювелирном магазине. Только мне предстоящее удовольствие не будет стоить ни копейки. С большим трудом подавила в себе желание тут же броситься на поиски интересных книг и сосредоточилась на словах Саймона.

– Итак, Уна, – мягко произнес он, – основная задача – навести здесь порядок до декабря. Каждое произведение должно быть только в одном экземпляре, от «дублей» необходимо избавиться.

– Распродажу устроить не хотите?

– Нет, – решительно объявил Саймон. – Только раздавать. Бесплатно. Я уже переговорил с сотрудниками местной библиотеки, они с радостью примут книги в дар. А ведь есть еще школы, детский приют, не знаю, еще какие-то организации. Думаю, ты сможешь все организовать. Мне главное, чтобы ничего нужного не упустить, поэтому ничего без моего ведома не отдавай. Ты составляешь каталог и каждый вечер приносишь мне список книг, отобранных за день. Я отмечаю те, которые остаются, а от ненужных ты избавляешься.

– По какому принципу мне совершать отбор?

– Я этом ничего не понимаю. Знаю, у каждого библиотекаря есть свои предпочтения, как распределять книги. Выберешь, что тебе удобнее.

– А книги отвозить к Вам домой?

– Нет, там не будет столько места. Пусть остаются здесь. В перспективе я планирую перебраться работать сюда, на втором этаже будет кабинет. И, несмотря на доступность интернета, я консервативен и предпочитаю иметь дело не с электронными, а с печатными изданиями. Листать, отмечать, выписки делать. Чтобы не путаться, предлагаю отмеченные мной книги переносить на второй этаж, а остальные разбирать здесь, в залах. Должен же я оправдывать гордое звание творческого человека и иметь хоть какую-то прихоть?

– Если книги встречаются в нескольких экземплярах, я сама решаю, какой оставить?

– Нет. Отмечай содержание сборника. И, если издание переводное, обязательно указывай переводчика. Сама знаешь, как можно исказить текст. Отчасти из-за этого работа предстоит долгая, пока найдешь все повторяющиеся книги. Было бы проще, если бы они стояли рядом, но, как видишь, никакой системы здесь нет и в помине.

– Так странно. Столько книг. Такой огромный магазин для провинциального города!

– Как я понял, это было скорее развлечение, чем доходный бизнес. Я не вдавался в подробности. Главное, наконец-то, сбудется моя мечта об огромной личной библиотеке!

После такого объяснения мне стало легче. Работу всегда приятнее выполнять, когда понимаешь ее смысл. К тому же меня порадовало решение Саймона о книжной благотворительности. Не только его мечты сбудутся! Я вспомнила, с ка-

ким трудом мы выбивали право закупать в библиотеке новинки. Сколько на это уходило обоснований, и какие скудные средства выделяли нам в итоге. Оставшееся смутное беспокойство я списала на то, что завидую Саймону, ведь он смог приобрести то, что для меня оставалось несбыточной мечтой.

Следующие несколько дней слились в череду разнообразных впечатлений, от которых слегка кружилась голова. Я осваивалась на новом месте, изучала дом и его окрестности, ближе знакомилась с семьей Саймона и горожанами, оценивала масштаб предстоящих работ в магазине. И ни разу не пожалела, что приехала сюда!

Мне нравилось работать в библиотеке. Помню изумление нашей новой сотрудницы, наивно полагающей, что она будет днями напролет читать книги в тишине. На деле же оказалось, что почти нет ни минутки свободной. Посетителей у нас всегда было много: в основном, старики, страдающие бессонницей и болями. Для них чтение становилось истинным спасением и развлечением. Многие были одиноки, а переживать угасание в одиночестве просто страшно. И я всегда искренне радовалась, что могу им хоть как-то помочь. А помимо выдачи книг пришлось заниматься инвентаризациями, тематическими выставками, книжным клубом, волонтерством.

Что ждет меня здесь, кроме знакомства с Саймоном и работы в привычном окружении книг, я не знала. Я ведь

не столько стремилась приехать сюда, сколько – уехать из дома. И дело было не в рутине, не в моем безрадостном существовании, сулящем унылое однообразие. Будь у меня внутренние ресурсы, я и на прежнем месте смогла бы по-другому обустроить свою жизнь.

Но в силу недавних событий я была истощена и душой, и телом. Не сработал принцип «помогать другим, чтобы забыть о собственных проблемах». Пока я была счастлива, то дарила радость другим, но с горем справиться не смогла. Осушать чужие слезы, когда самой хотелось плакать, оказалось выше моих сил.

Нужны были внешние ресурсы для восстановления. Герои книг в моем случае отправляются в дальнейшее путешествие. И смена пейзажей за окном кареты или бортом корабля возвращают им бывшее равновесие. У меня такой возможности не было. Привольск мало чем отличался от родного города. Та же провинциальность с охочими до чужих историй жителями, чье радушие и искренность в любой момент могли обернуться отчуждением и презрением. Те же степные просторы, выцветающие под палящим июльским солнцем. Те же молчаливые тома, со смиренным достоинством ждущие, когда до них доберутся и найдут им подходящее место.

Новым было лишь одно. Никто не знал меня, моих тревог и переживаний, сомнений и перенесенных утрат. Я могла стать какой угодно, оставаясь собой. Да, такой вот парадокс. Все, что тянуло меня ко дну, здесь стало всего лишь «те-

нями прошлого», с которыми мне предстояло разобраться, но среди которых мне уже не нужно было находиться каждый день. Конечно, воображение услужливо подсовывало ситуации, заставляющие невольно вздрагивать. Но я почему-то была уверена, что смогу избавиться от своих переживаний.

Уезжая, я словно приняла какое-то очень важное решение. Не могла пока его точно сформулировать. Мысли ускользали. Не находилось слов, чтобы повторять их, как мантру, или записать в дневник как девиз. Лишь неясное душевное волнение. Предвкушение, что ли. Я не ждала многого от приезда сюда и потому каждое хорошее событие принимала, как подарок судьбы. Даже не события, а внутренние изменения.

Саймон обозначил срок до декабря. Что будет потом, непонятно. Но одно я знала точно – домой уже не вернусь. Словно я ступила на дорогу перемен, с которой уже нет возможности вернуться к прошлому. Это не был нырок в неизвестность, скорее, осторожный спуск, но все же.

– Я ждала чего-то подобного еще год назад, – сказала заведующая библиотекой, когда я принесла ей заявление на увольнение, – не буду тебя отговаривать. Но давай сделаем так. Пиши отпуск за свой счет, а там поглядим. Отчислений, конечно, не будет, но, по крайней мере, стаж не прервется. Захочешь вернуться – вернешься. Не захочешь, тогда уже заберешь трудовую.

– Но как? Почему? – растерялась я.

Она встала, обогнула стол и прижала меня к себе:

— В память о твоей бабушке. Она тебя очень любила и хотела бы, чтобы ты нашла свое призвание.

Я с трудом сдержала слезы. Бабушка. Именно к ней, сюда, под знакомые своды библиотеки я прибежала, чтобы справиться со своими детскими страхами и обидами. Именно она приобщила меня к чтению. Открыла удивительный мир, в котором могут происходить захватывающие дух приключения, но при этом он останется безопасным.

Я поблагодарила начальницу за ее предусмотрительность. Это книжным героям легко все бросить и уехать. Наш пыл охлаждают суровые российские реалии. Да, Саймон обещал мне платить в два раза больше, чем я получала в библиотеке, мне не нужно будет платить за жилье, да и кормить будут. Но работа на него была неофициальной. Останься я безработной, с таким временным пробелом в стаже устроиться куда-либо будет сложно. Поэтому мои романтические переживания мешались с прагматичными, никуда от этого не денешься.

Глава 5

Моя душа, как старый исписанный дневник, была переполнена горечью. Теперь, подобно палимпсесту, ее наполняли вновь. Равновесием, умиротворением, уверенностью, что впереди ждет что-то чудесное. Может, я просто смирилась со своими потерями? Хотелось бы в это верить!

Каждый день, проснувшись, я лежала и слушала, как оживает дом. Как сад за окном наполняется птичьим щебетанием и тем, исполненным таинственной прелести, шорохом, что заставляет вновь почувствовать себя частью окружающего мира. Наблюдала за игрой солнца в кленовых листьях, пока мысли текли ленивым потоком. С удовольствием пила ароматный чай, приготовленный Милой Сергеевной по особому рецепту. Включалась в разговор за столом, не боясь выглядеть заумной или смешной. По дороге в город разглядывала окрестности.

Все чаще меня охватывало ощущение радостного возбуждения, неясного предвкушения, которое ускользало, как солнечные лучи, пропущенные сквозь пальцы. Моя душа вновь открылась красоте и очарованию мира, напоенного звуками, красками, запахами, улыбками и верой в завтрашний день.

За неделю я уже успела полюбить свой новый дом. Обстановка свидетельствовала, что здесь живут в достатке, но не кичатся этим. Кабинет Саймона произвел на меня

впечатление еще в ходе нашего разговора об именах. Вот где суждено родиться очередному литературному шедевру! Обстановка полностью соответствовала его владельцу, насколько уж я осмеливалась об этом судить. Массивный стол с антикварной лампой, пепельницей и подставкой для бумаг. Удобное кожаное кресло, настоящий камин с ажурной кованой решеткой. По двум стенам – пустующие пока полки от пола до потолка. Меня удивило, что книги своего авторства Саймон держал не в кабинете, а в гостиной на первом этаже. Можно было бы счесть это возможностью похвастаться перед гостями, вот только, как я уже успела понять, семья Чармеров держалась замкнуто, и в поместье никто особо не приезжал.

Позже, когда наше общение с Саймоном станет более доверительным, он объяснит мне, почему его произведения отправлены в изгнание.

– Лучшая книга всегда та, что пишется сейчас, – скажет он, – Когда текст закончен, для меня это – пройденный этап, к которому не хочется возвращаться, как к изжившим себя отношениям. Можно с теплотой вспоминать прошлое, но нет ни малейшего желания вновь погружаться в эмоции. Мне всегда кажется, что книга могла выйти лучше, я нахожу нестыковки, опечатки, погрешности в сюжете. Мучительно и больно понимать, что произведение уже издано, и ничего не исправить. Поэтому я стараюсь убрать свои книги с глаз долой и сосредоточиться на новом тексте.

Но до увлекательных разговоров о творчестве было еще далеко, и пока я продолжала с интересом осваиваться в доме. На третьей стене кабинета висела картина, классический пейзаж, и многочисленные грамоты, свидетельства престижных литературных премий. В отличие от рядов изданных книг, документы, не раздражая, подпитывали писательскую веру Саймона.

Всю четвертую стену занимало окно с видом на реку. Все сдержанно, лаконично, выдержано в спокойных тонах. Не знаю, досталась ли Саймону эта обстановка от прежних хозяев или он переделывал все по своему вкусу, но кабинет как нельзя более подходил для сосредоточенной работы мысли.

Несмотря на то, что Мила Сергеевна производила впечатление фанатичного любителя чистоты и порядка, в доме царил живописный хаос, подчеркивающий полноту и насыщенность повседневности его обитателей. Личные вещи домочадцев жили своей жизнью и перемещались по комнатам. Дождевик Сабрины, небрежно переброшенный через перила лестницы. Семейство плюшевых медведей Илоны, устроившихся под столиком в гостиной. Стопка журналов, выписываемых Саймоном, на полу у кресла. Все убиралось лишь по доброй воле ее владельцев. Я знала, если вечером оставлю книгу на веранде, там же ее и найду утром.

Мила Сергеевна заботилась об уюте. В каждой комнате в красивых вазах стояли свежие цветы, ковры регуляр-

но пылесосились, посуда за стеклом старинного буфета сияла в лучах солнца. Буфет, наряду с плитой, занимал особое место на просторной кухне. Именно такой шкаф, должно быть, описывал Андерсен в своей сказке, с резными дверцами, украшенными изображениями птиц, веток и лесных зверей. На плите же вечно что-то булькало и кипело, распространяя вкуснейшие запахи по всему дому. Кстати, на отдельном кухонном столике всегда стояла корзинка со свежей сдобой и тарелочки с орешками и фруктами, так что желающие могли утолить голод между трапезами, не отвлекая Милу Сергеевну от готовки.

Не менее живописно выглядела и гостиная, отделенная от столовой лишь небольшой аркой. Вечерами здесь собиралась вся семья, чтобы посмотреть фильм или просто почитать, время от времени обмениваясь впечатлениями. Даже Мила Сергеевна оставляла недомытую посуду. Даже Анжела выбиралась из надежной уединенности своей спальни, хотя, в основном, молчала и слушала других.

Огромный угловой диван, весь закиданный пестрыми подушками, тянулся вдоль двух стен. Кресла в том же стиле, журнальный столик, телевизор, камин. На стенах висели прелестные вышитые картины в простых рамках. Те же цветочные мотивы были вышиты на фартучках и жилетках плюшевых медвежат. Я в вечерних чтениях участия не принимала, меня никто не пригласил, а напрашиваться было неловко. Пару раз мне показалось, что Саймон колеблется, сталкива-

ясь со мной в коридоре, но он ничего так и не сказал. Он вообще вел себя немного странно. Общась, шутил и с удовольствием размышлял о творчестве, а потом вдруг резко обрывал сам себя, будто спохватываясь, что нарушил дистанцию. Я пока не очень понимала, с чем связано подобное поведение, поэтому решила не обращать внимания. Должны же быть у творческого человека странности?

Остальные комнаты, в которых мне удалось побывать, были устроены по вкусу хозяев: музыкальные постеры у Сабрины, лоскутное одеяло на кровати и вязанные салфетки на тумбочке в комнате Милы Сергеевны. В комнату Анжелы мне заглянуть пока не довелось, но я легко представила себе, что вместо книжных полок там вешалки с одеждой, столик уставлен духами и кремами. Впрочем, одергивала я себя, слишком мало я ее знаю, чтобы делать поспешные выводы. Просто не переставала удивляться, насколько не смотрится она рядом с Саймоном. Весьма странно, Саймон не был похож на человека, который выберет жену, польстившись лишь на эффектную внешность! Он любил, когда ему внимали, разделяли его пристрастия и увлекались тем, что ему интересно. Что связывало его с такой ограниченной особой, как Анжела (кроме плотского влечения, конечно) оставалось только гадать! И уж, конечно, моей главной претензией к этой тихой женщине было ее абсолютное равнодушие к дочери.

Владения самого юного члена семьи Черновых вызывали

во мне одновременно и болезненные воспоминания, и восторг. Принцессе Илоне была выделена огромная комната, разделенная на две зоны, спальню и место для занятий и игровую, где безраздельно царствовали плюшевые медведи и куклы. Среди книг в ее уже внушительной библиотеке преобладали различные издания о растениях и животных. Как я узнала позже, Илона была большой любительницей жизни. Помимо черепашки под ее опекой находились два кота, канарейка и собака, с которой я так удачно разминулась в первый вечер. Огромного черного пса звали Баск (сокращенно от Баскервильей). Днем он обитал во дворе, который, как выяснилось, принадлежал отсутствующему пока Матвею. На ночь калитку открывали, и пес свободно бегал по охраняемой территории. Именно Илона познакомила меня с псом, чтобы он привыкал и признал меня за свою. Глядя, как она кладет кусочки булочки прямо в его огромную пасть с внушительными клыками, я сдерживала порыв, чтобы не схватить девочку в охапку и не оттащить подальше. А малышка лишь смеялась.

– Ты не должна бояться, – назидательно говорила она мне, – собаки это понимают и сердятся.

С каждым днем все больше привязываясь к девочке, я невольно обращала внимание на то, как ведут себя с ней родные. Мила Сергеевна, как я уже отметила, была слишком занята, чтобы уделять девочке много внимания. Но внуку она любила, всегда жалела и щедро снабжала плюшками. Анже-

ла дочке внимания уделяла мало, лишь иногда позволяла той поиграть в своей комнате, но быстро провожала под предлогом головной боли, очевидно, надуманной. Ритуал же сказки на ночь принадлежал Саймону. Днем он был слишком занят творчеством, чтобы видеться с Илоной, но вечером всегда уделял ей время. Любимой игрушкой девочки была престная мышка явно ручной работы с вышитыми цветочками на ушках и подоле платья. С ней Илона не расставалась ни на минуту, и, как я узнала позже, именно мышка была главной героиней сказок, которые Саймон сочинял для дочери перед сном.

Иногда брал дочку с собой, если ехал в город по делам. Илона, хоть и была довольно шустрым ребенком, вела себя примерно, пока он решал дела. И, как мне довелось наблюдать, неизменно очаровывала всех жителей города, начиная от заправщиков и заканчивая банковскими служащими.

Сабрина тоже охотно возилась со сводной сестрой. Например, водила ее купаться, неизменно выслушивая бабушкины наставления. Мила Сергеевна беспокоилась, чтобы Илона не утонула, но ей было некогда отрываться от дел, чтобы проконтролировать ситуацию. Да и суставы болели, чтобы преодолевать крутой спуск и подъем. Так что, когда я присоединялась к девчонкам в их походах на реку, она, похоже, вздыхала с облегчением. Не то, чтобы она мне доверяла больше, чем Бри. Видимо, считала, что два человека, присматривающих за ребенком, все лучше, чем один.

Еще я часто заставляла Бри и Илону в саду, где младшая проводила старшей экскурсию, рассказывая о разнообразиях цветов. Сомневаюсь, что Бри подобные темы были интересны, но она покорно следовала за сестрой, иногда провоцируя игру в догонялки. По вечерам девчонки выходили на веранду, садились на нагретые солнцем ступеньки и устраивали «чаепитие» для плюшевых медвежат.

На фоне отцовского и сестринского внимания к Илоне материнское равнодушие смотрелось особенно неприятно. Не влезай, не думай, не беспокойся, уговаривала я себя. И целенаправленно переключалась на другие занятия, лишь бы не думать, как несправедливо устроена жизнь. Дарит счастье материнства тем, которым оно ненужно, и отнимает у тех, кому оно необходимо.

Из всех комнат дома мне особенно полюбилась веранда. Плетеные кресла, многочисленные кадки с цветущими растениями, прекрасный вид на цветник, чуть скрипящие деревянные полы, за день впитывающие солнечное тепло. Если все уходило в дом, я задерживалась здесь и читала, пока не спускались сумерки. Не то, чтобы я сознательно избегала людей, но мне нужно было время, чтобы привыкнуть к особенностям каждого члена семьи. В привычной обстановке, с чашечкой чая и книгой, я успокаивалась, перебирая многочисленные впечатления дня.

В магазине же, в отличие от дома, царили полный хаос и запустение. Уж не знаю, по какому принципу строилась

торговля, но системы в местонахождении книг не было никакой. Любовные романы в дешевых обложках соседствовали здесь с учебниками по ядерной физике, а сборники классической поэзии – с детскими комиксами. Неудивительно, что магазин прогорел! Каким же терпением должны были обладать покупатели, чтобы найти среди этой путаницы желанную книгу? Таблички и алфавитные указатели отсутствовали, так что мне предстояло разгребать книжные завалы, не зная, что ждет меня на следующем стеллаже.

Я никогда не работала в торговле, но знала, что в любом бизнесе есть свои закономерности. Например, раздел детской литературы обычно размещают в глубине зала, чтобы по пути родители и себе парочку книг прихватили. Новинки и бестселлеры выкладывают на столе перед входом, а мелочевку, вроде закладок, ручек и календариков – на кассе. Здесь же никакой системы не наблюдалось вообще.

Ошибочность алфавитного метода, предложенного Саймоном, я поняла, когда столкнулась с собранием сочинений. Какие экземпляры оставлять, ведь бывает, что из тома в том переходят рассказы, а это тоже можно считать, как повторы. Были еще сезонные сборники разных авторов под одной обложкой, что вносило определенную путаницу. В итоге мне пришлось засесть за составление каталога, чтобы потом, уже на бумаге, сверять совпадения.

Наедине с Саймоном я держалась немного скованно. Не так-то просто привыкнуть к мысли, что этот обаятельный

мужчина – автор моих любимых книг! Он, похоже, понимал причину моей зажатости, но не важничал и не насмешничал, а терпеливо пытался меня разговорить. Он быстро понял, что у меня нет ни малейшего желания обсуждать прежнюю жизнь и тактично переключился на нейтральную тему литературных пристрастий.

Каждое утро он высаживал меня у магазина и уезжал по своим делам, а я останавливалась на пороге со странным ощущением всемогущества. Да-да, можете смеяться, но обычная работа по приведению библиотеки в порядок вызвала во мне именно это чувство! Здесь я была на своем месте, и мне было подвластно все! Книги – благодарные существа, они могут стать верными соратниками, друзьями, слугами. Всем, чем угодно, стоит только захотеть!

Пока же я неторопливо ходила между стеллажами, поглаживая книжные корешки. С радостью узнавала знакомые издания, восторгалась, столкнувшись с редкими новинками. Частенько пренебрегала своими обязанностями, расположившись с интересной книгой где-нибудь в уголке.

Предвкушая работу по разбору изданий, я как-то упустила момент, что, прежде всего, это занятие требует немалых физических усилий. К концу первой недели у меня болели даже те мышцы, о существовании которых я раньше и не подозревала. Мне пришлось наклоняться и тянуться вверх, освобождать стеллажи и вновь заполнять их. Ну и, конечно, проводить элементарную уборку, так как пыли и му-

сора накопилось достаточно.

Но, как бы тяжело мне ни пришлось, душа пела от радости. Книжные полки – мой приют безопасности с самого детства. Ну, а наведение порядка придавало моему существованию иллюзию стабильности и того, что я контролирую все, что происходит в моей жизни. В пределах этих двух залов я чувствовала себя полновластной хозяйкой, вот откуда взялось это ощущение всемогущества!

Всем известно, что по ночам книги оживают, что бы там ни говорили скептики. Оживают и знакомятся с новичками, обсуждают, в каких домах им удалось побывать и кем быть прочитанными, читают себя вслух, в общем, ведут активную книгосветскую жизнь.

Я была уверена, что книги считают большой несправедливостью, что сюжеты в них написаны раз и навсегда, и ничего уже не изменить. Да, они гордятся своей уникальностью, но в то же время грустят, что их героям суждено путешествовать по одним и тем же местам, переживать одни и те же приключения и произносить одни и те же фразы. Но если одно и то же произведение читают разные люди, то оно зазвучит по-новому. Воображение-то у всех разное. И пусть написано, например, «голубоглазый блондин с усами». Все равно каждый будет представлять свое: старики – себя в юности, романтические барышни – коллегу по работе. И Париж у каждого свой, и Земноморье. Даже вкус плюшек, которыми Карлсон с Малышом баловались, будет отличаться с каждым

прочтением.

В детстве я играла не в принцессу и не в дочки-матери. Представляла, как в мантии со звездами и с волшебной палочкой в руке стою перед шкафом, произношу заклинания, и по мановению моей руки книги разлетаются к тем, кто в них нуждается. Маленьким плачущим девочкам отправляла волшебные сказки, несчастным влюбленным – истории любви со свадьбой на последних страницах, мечтателям – повести о путешествиях, захватывающих дух. А книги получали возможность прожить свой сюжет по-новому. Чем не волшебство?

Собственно, когда я выросла, мои фантазии стали реальностью. Никто не слышал моих заклинаний, но каждый получал книгу, милую сердцу. А систематические перемещения книг с полки на полку я, как и в детстве, объясняла не рассеянностью читателей, а желанием книг общаться друг с другом. И всегда радовалась, когда в доверительной беседе с кем-то узнавала, что я – не единственная, кто вносит в свою работу нотки детской беззаботности. Танцует в обнимку с мужскими рубашками, развешивая их в магазине. Заговаривает цифры, когда не сходится баланс. Рисует малярной кистью солнышко и цветы до того, как покрыть стену ровным слоем краски.

И сейчас, перебирая многочисленные тома, я с улыбкой вспоминала свои игры, понимая, что вновь получила шанс стать волшебницей. Еще немного, и книги разлетятся к тем,

кому они нужны.

На новой работе был лишь один момент, который меня смущал. Почему Саймон выбрал именно меня? Неужели здесь, среди местных жителей, не нашлось человека, из той же библиотеки, способного выполнить поставленные задачи? Зачем приглашать кого-то из другого города, терпеть мое присутствие в доме? Я успела заметить, Саймон из тех, кто неохотно пускает посторонних в свой замкнутый семейный круг. Неужели главным аргументом было то, что я уеду, исчезну из его жизни, когда доведу дело до конца? Но что такого секретного в том, чем я занимаюсь?

Как Саймон и говорил, пустующее просторное здание в центре города для многих стало приманкой. Все мало-мальски подходящие дома здесь выкупались или сдавались в аренду под магазины и офисы. Я постоянно наталкивалась на осторожные расспросы торговцев, но ограничивалась вежливой улыбкой и уходила.

Любому другому пришлось бы встретиться с давлением со стороны власти или мафии, но я уже знала, что появление Саймон в городе весной произвело фурор! Ему тут же присвоили звание почетного горожанина, заручились его поддержкой и быстренько назначили на осень литературную конференцию, пригласили читать курс лекций в местный колледж. Громкое имя – реклама городу, а, значит, новые финансовые потоки. Именно это оградило Саймона от неприятных посягательств на его новоиспеченную соб-

ственность. В данном случае главной «мафией» в городе были сами представители власти, и он попал под их покровительство, а потому мог не беспокоиться о своей судьбе.

Все это были лишь мои досужие домыслы, но именно они помогли мне успокоиться и не вздрагивать каждый раз, как в магазин заходил новый человек. А посетителей, к слову сказать, было немало. За несколько дней, что я обосновалась в магазине, сюда заглянуло человек тридцать. Кто-то, конечно, из праздного любопытства. Но каждый второй заходил с вопросом: «А что, вы опять работаете?» И искренне огорчался, услышав отрицательный ответ.

Я потихоньку завязывала знакомства. Но больше всего общалась с Витой, хозяйкой соседнего магазина, с которой познакомилась в день приезда. Она оказалась не только милой и приветливой, но еще и страстной книгочкой, поэтому теперь, несмотря на плотный завтрак в поместье, каждое мое утро начиналось с того, что я шла к Вите. Мы пили чай, и она понемногу рассказывала мне о городе и его жителях, делилась подробностями своей жизни и своими книжными предпочтениями.

Она же предупредила меня про Эдика, нахрапистого дельца, который не оставлял надежды арендовать или выкупить магазин. Если представители власти смирились с прихотью Саймона, то Эдик жаждал провернуть выгодную сделку.

– Это же центр, – объяснила Вита, – самое оживленное и выгодное для торговли место. Он аж пену пускает, так его

бесит, что здесь какие-то книжки.

– С меня-то какой спрос?

– Не скажи. У Эдика логика проста. Если Саймон подпустил тебя к семье, значит, считается с тобой. А вдруг ты можешь повлиять на него? Значит, можно попробовать воздействовать на Саймона через тебя. Эдик, он такой, лазейки ищет. Хотя, если честно, я тоже не совсем понимаю Саймона.

– Почему?

– Ну, он сразу всем объявил, что восстанавливать торговлю не собирается. Вроде как планирует свой офис устроить. В самом людном месте, но при этом по максимуму избегает контактов. Нелогично как-то. Эдик несколько раз к нему подкатывал с предложениями, такую огромную сумму предлагал! А Саймон ни в какую. Непонятно, почему он так держится за это помещение. Вывез бы книги к себе домой, и дело с концом.

Я тоже думала об этом, но сочла неудобным обсуждать это с Витой. А она рассмеялась:

– Слушай, здание-то, хоть и отреставрированное, но еще дореволюционной постройки. Может, в его стенах клад замураван, и Саймон надеется его найти?

Я улыбнулась в ответ и поспешила вернуться к делам. Размеренная работа отвлекала меня от непонятной тревоги, которая появлялась каждый раз, когда я задумывалась о Саймоне и магазине. Эдик и впрямь появлялся несколько раз,

но, спасибо Вите, я изображала простодушную дурочку, механически выполняющую свою работу и на вопросы о Саймоне отвечала односложно. Так что Эдик исчез, решив, что с меня толку не будет.

Вздыхнув с облегчением, я сосредоточилась на формировании книжного фонда для отправки в библиотеки. И, как бы мне ни хотелось обсуждать со случайными посетителями любимых авторов и персонажей, заперла дверь и повесила табличку «закрыто». Так быстрее доделаю срочные дела, освобожу место в зале для следующих стопок, а тогда уже вновь распахну двери.

Книги для тех, кто влюблен в книги

1. Сеттерфилд Д. «Тринадцатая сказка»
2. Пахарес С. «Без обратного адреса»
3. Фурнье П. «Читалка»
4. Сафон К. «Кладбище забытых книг»
5. Шеффер М., Берроуз Э. «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков»
6. Брэдбери Р. «451 градус по Фаренгейту»
7. Стругацкие А. и Б. «Хромая судьба»
8. Функе К. «Чернильное сердце»
9. Гейман Н. «Океан в конце дороги»
10. Байетт А. С. «Обладать»

Глава 6

Спускаясь по лестнице, я замерла на полпути. В зале, спиной ко мне, удобно устроившись в кресле и положив ноги на банкетку, сидел незнакомый мужчина. Он держал в руках раскрытую книгу, и, казалось, был полностью погружен в чтение. Ничего угрожающего в нем не было, скорее, наоборот. Но сам факт появления незнакомца в закрытом помещении настораживал. Я уж было открыла рот, чтобы спросить, как он здесь оказался, но он меня опередил. Захлопнул книгу, встал, потягиваясь, и сказал, поворачиваясь к лестнице:

– Надеюсь, ты не приняла меня за грабителя и не собираешься звать на помощь?

Усмешка в его голосе исключала это предположение. Он бесцеремонно осмотрел меня с ног до головы и присвистнул:

– Я ожидал увидеть нечто странное и суетливое, но вижу, что ошибся, и рад этому! Уверен, никогда еще эти стены не видели столь милой библиотекарши!

– Кто Вы и как сюда попали? – прервала я его.

– Ах, да, забыл представиться. Я – Матвей и приехал, чтобы помочь тебе избавиться от хлама. Саймон дал мне запасные ключи, так что в моем появлении нет ничего мистического.

Матвей? Водитель Саймона? Что-то уж больно развязно он держится. Странно, что Саймон взял на работу такого

нахала. Или это он только со мной так? Не считает меня достаточно важной особой, чтобы вести себя уважительно? Как бы то ни было, но я разозлилась. Никогда не любила людей, которые презирают формальности общения и сразу показывают свою истинную натуру. Уж если Саймон не позволял себе фамильярничать со мной, то с другими я тем более не допущу подобного!

– Так Вы и есть водитель Саймона?

– Водитель? – он рассмеялся, – так вот, значит, как меня представил Саймон. Что ж, я, конечно, связан с машинами, поскольку работаю в автосервисе. Но, чтобы в дальнейшем у нас не возникало недоразумений, спешу сообщить, что прихожусь ему родным племянником.

Вот как. Это объясняет его манеру держаться. Подумав, я спросила:

– И что? Мне придется самой таскать книги из трепета к громкой фамилии?

– Ух, да ты зубастенькая! Нет, все гораздо проще. Спасибо, чтоб ты не попала в неловкое положение. Вот представь, вздумается тебе посплетничать о Саймоне, а потом выяснится, что я его родственник. Тебе будет неловко за сказанное, мне – за услышанное, а Саймону – за переданное по секрету.

– Вы хотите сказать, что пересказали бы ему мои слова? То есть, наябедничали?

– Ну, я же просто фантазирую. Кстати, можно не церемониться и обращаться к друг другу на ты.

– Что Вы уже и делаете, – поспешила я его поддеть.

Он нимало не смутился и продолжил:

– Я понимаю, нас никто не представлял друг другу. Но заочно-то мы уже знакомы, будем много времени проводить вместе. К тому же, как я вижу, ровесники. Не люблю я все эти великосветские замашки. Так как?

– Есть подозрение, что даже, если я не соглашусь, Вы все равно будете мне тыкать.

Он пожал плечами.

– Тогда, Матвей, я согласна перейти на ты.

– Я рад, что с тобой так легко договориться!

Я спустилась на пару ступенек и, посмотрев снизу вверх, ткнула пальцем в его широкую грудь:

– Ты не любишь светских замашек, я не люблю фамильярности. Если нам придется работать вместе, то придется искать компромисс.

Он перехватил мою руку, плавно, но решительно отвел в сторону.

– Сколько умных слов! Что ж, договорились. Видишь, я тоже легко иду навстречу.

– Отлично. А теперь, может, приступим к делу?

Он кивнул, но не сдвинулся с места, смотрел выжидающе.

– Ты загораживаешь дорогу.

– Ой, прости. – Он посторонился, но ровно настолько, чтобы можно было пройти к нему вплотную. Провоцирует? Зачем? Я взяла его за плечи, решительно развернула и легко

подтолкнула в спину:

– Не играй со мной, Матвей. Я этого не люблю.

Он по инерции шагнул со ступенек, потом вновь обернулся, но я уже сбежала с лестницы. И принялась руководить погрузкой.

– Коробки, подписанные синим маркером, нужно отвезти в библиотеку колледжа; красным – в городскую. Коробки без надписи пока оставить здесь, но перетащить в подсобку.

Я старалась говорить ровно, чтобы не выдать волнение, вызванное нашей стычкой. А сама терзалась, неужели обязательно начинать знакомство таким образом? Что я сделала ему, раз он настроен против меня? Или это его обычная манера общаться с малознакомыми девушками? А вдруг он разозлится и впрямь пожалуется Саймону. Когда я решилась посмотреть на Матвея, задумчивое выражение его лица тут же сменилось насмешливой улыбкой:

– Признаться, я удивлен! Давненько не встречал девушки, на которую бы не мог произвести впечатление!

– А ты пробовал?

– Что?

– Произвести впечатление. Пока если и вышло, то со знаком минус.

– Почему?

Я выпрямилась, прижимая к груди стопку книг, словно воздвигая между нами защиту:

– Тебе ответить честно или вежливо?

– Конечно, честно. Должен же я знать, где просчитался!

– Что ж, Матвей, – сказала я строгим тоном и поправила на переносице несуществующие очки, – ты вел себя бесцеремонно, хамил и провоцировал меня. Что явно не способствует тому, чтобы попасть под твое неземное обаяние, которое ты пока удачно скрываешь.

Он шагнул ближе, взял стопку и осторожно, но решительно забрал из моих рук:

– Что ж, Ульяна, – сказал он не менее строго, – ты пронзила мне сердце своей прямоотой. Придется основательно пересмотреть свою тактику оболыщения за все свои двадцать пять лет!

И тут же мы оба не выдержали и рассмеялись, уж больно напыщенным получился диалог. Я отметила, что он называл меня Ульяной. Значит, не поддерживает игру Саймона с именами?

– Ладно, признаю, я специально взял такой тон, чтобы посмотреть на твою реакцию. Саймон так тебя хвалит, недолго и возгордиться.

– Лучше судить о человеке по личным впечатлениям, а не по чужим рассказам. Во избежание ложных выводов!

Видимо, Матвей понял, что сообщение о проверке меня неприятно задело, поэтому воздержался от ответной реплики. Какое-то время мы молча таскали коробки в машину. Он решительно забирал у меня самые большие и тяжелые, оставляя мне лишь маленькие связки с томиками стихов.

Похоже, Матвей из тех, кто старается показать себя хуже, чем есть на самом деле. Другой бы на его месте стоял и смотрел, как я сама с грузом управляюсь. Еще бы и торопил.

Значит, ему двадцать пять лет. Интересно, знает ли он, что я старше? И есть ли смысл в этом признаваться? И на что это, собственно говоря, повлияет? Уже понятно, что общий язык мы найдем и сработаемся, но это не будет легко. Он явно из тех мужчин, которые в общение с любой женщиной стремятся внести ноту флирта. Мне же это ненужно совсем.

Потом Матвей заговорил:

– Прости, всегда теряюсь в присутствии хорошеньких девушек, вот и несу, сам не знаю, что!

Не зная, как ответить на неожиданное признание, я перевела разговор, ухватившись за одну из сказанных им ранее фраз:

– Почему за двадцать пять лет? Ты что, начал обольщать женщин еще в роддоме?

Матвей, как мне показалось, обрадовался возможности возобновить наш шуточный разговор:

– О, да! Первой жертвой стала акушерка, придя в восхищение от моих прекрасных глаз, но тогда я, к сожалению, не имел возможности вернуть ей комплименты!

Я присмотрелась. Глаза у него и впрямь были потрясающие, темные, бархатистые, в окружении длинных густых ресниц. Глаза принца из восточных сказок. В целом Матвей принадлежал к тому типу людей, чья внешность не броса-

ется в глаза сразу, но чем больше вглядываешься, тем больше проникаешься симпатией. У него было интересное лицо, живое, подвижное. Умное. Я успела заметить, что за книгу он читал, ожидая моего появления. Если бы он взял первое, что попало под руку, логичнее было бы обойтись мужским журналом. Стейнбек же, я точно помнила, стоял на дальнем стеллаже, а, значит, выбрал он его целенаправленно. Что ни говори, но если человек читающий, для меня это всегда аргумент в его пользу! И тут же вспомнила его слова «избавиться от хлама». Разве книголюб скажет такое? Ничего не понимаю.

— Ульяна, поверь, мне безумно приятно, что ты попала под мое обаяние. Только прохожие могут неправильно истолковать увиденное.

Я встрепенулась. Мы стояли слишком близко друг к другу, и я впрямь засмотрелась на Матвея. Вернее, задумалась, но ведь о нем же! Я отступила и вернулась, чтобы запереть дверь. Наваждение какое-то! С момента приезда сюда я превратилась в какую-то легкомысленную свистушку, млеющую при появлении рядом мало-мальски стоящего мужчины. Или это фамильное обаяние Черновых так действует?

Городская библиотека находилась всего в нескольких кварталах от центра. Подумав, я сообщила Матвею, что обратно вернусь пешком, тем более что меня обступили восторженные сотрудницы библиотеки, жаждущие пообщаться.

Он улыбнулся и сказал:

– Жаль, что наша встреча оказалась короткой. Буду с нетерпением ждать вечера!

Я чувствовала, что мне сверлят спину любопытные глаза сотрудниц и поспешила скрыть смущение. К счастью, библиотекари – особые люди, которых свалившиеся на голову книжные поступления интересовали куда больше, чем обаяние Матвея. Они принялись разбирать коробки, не переставая высказывать восторги и признательность в адрес Саймона. Потом, незаметно, разговор переключился на прежнего хозяина магазина:

– Борис Федорович, царство ему небесное, душевный был человек. Но уж больно непрактичный. Магазин-то ему зять отдал, но делец из него вышел никудышний. Еле сводил концы с концами. И при этом тоже нет-нет, да и подкинет нам стопку-другую книг. Народ-то у нас какой: покупать книги жадничают, а вот взять почитать в библиотеке – это с большой радостью.

Теперь стало понятно, почему магазин прогорел и почему наследники бывшего владельца с такой готовностью откликнулись на предложение Саймона. – Ну, а как оно, вообще? – отвлекла меня от раздумий одна из сотрудниц библиотеки.

– В смысле? – уточнила я.

– Ну, с Черновым работать? – в ее голосе явственно слышались завистливые нотки. – Я, как узнала, что он магазин купил, подходила, помощь предлагала, но он отказался. Вежливо так, но решительно. Мол, спасибо, обойдусь своими си-

лами. А потом раз, узнаем, что он себе помощницу выписал из другого города.

Я растерялась. Не знала же, чем руководствовался Саймон, когда приглашал меня. Вернее, когда отказал местным библиотекарям. Что ни скажу, это будут лишь мои предположения. Да и, как я поняла, целью вопроса было не желание узнать ответ, а возможность выказать затаенную обиду. Поэтому, проигнорировав вопрос, быстро распрощалась и ушла. А для себя решила, что с местными жителями нужно быть осторожнее. Я понимала нежелание Саймона ни с кем сближаться и откровенничать. Богатый, знаменитый, с причудами, он поневоле вызывал зависть и нездоровое любопытство. В данном случае я была на его стороне. По себе знаю, как дорого может обойтись человеку вмешательство посторонних в его жизнь.

Вечером, когда Матвей приехал забрать меня с работы, я впервые подумала: может, стремление Саймона отвозить меня вызвано вовсе не заботой, а желанием оградить от лишних контактов? Есть же риск, что я начну с кем-то откровенничать о нем и его семье. Догадка эта меня расстроила, и я твердо решила, что когда сойду с Саймоном поближе, обязательно попрошу его четко обозначить пределы дозволенного. Я, хоть и наемный работник, но не рабыня и не пленница. Если, например, вздумаю принять предложение Виты остаться у нее на ужин, неужели это вызовет протест и неудовольствие? Если да, то пусть обоснует причину.

Жаль, что идиллия первых дней начала обрастать тревогами и сомнениями, но, наверное, это неизбежно. Я ведь не сама по себе. Выстраивание взаимодействия с другими людьми, какими бы чудесными они ни были, неизбежно влечет за собой определенные сложности. К этому нужно быть готовой. И все же в этот вечер я, наскоро поужинав, распрощалась и ушла к себе в комнату. Спряталась за спасительную ширму книжных страниц, только бы не думать о заботах настоящего.

Глава 7

После того, как из зала исчезли лишние коробки, мне стало легче дышать. В любой работе очень важно видеть хотя бы промежуточные результаты. Наглядная демонстрация того, что дело сдвинулось с мертвой точки, всегда стимулирует и вдохновляет. Поколебавшись, я опять распахнула двери. Во-первых, жаль упускать мягкое тепло, пришедшее на смену жару. Во-вторых, мне было приятно, хоть и недолго, пообщаться с людьми, с которыми нас объединяла общая страсть к выдуманному миру.

Когда появлялся новый человек, я мысленно забавлялась игрой, которую придумала, еще работая в библиотеке. Посетителей книжного магазина можно условно разделить на несколько групп. И как только кто-то показывался на пороге, я старалась угадать, к какому типу принадлежит мой новый посетитель.

Людей первого типа я называю «занудами». Они приходят в магазин, четко зная, какую именно книгу хотят приобрести. Никогда не оглядываются по сторонам. Ни за что не снизойдут до разговора с библиотекарем или продавцом. И, получив желаемое, тут же уходят.

Второй тип «робкие». Бродят меж стеллажами, не зная, чему на сей раз отдать предпочтение. Чтение для них – занятие весьма почетное. Перед рядами разноцветных фоли-

антов они испытывают трепет и благоговение. При этом их собственный стиль жизни, как и кругозор, достаточно скромны. Они вряд ли могут внятно сформулировать, что им понравилось в прочитанной книге. Но никогда не признаются, что чего-то не поняли. Читают, скорее, по необходимости, чтобы возвыситься в собственных глазах и не отставать от окружения.

Люди третьего типа, напротив, в беседу вступают легко, с большой охотой делятся впечатлениями о прочитанной книге и с благодарностью принимают рекомендации. Как и «робкие, тоже долго гуляют по залу, но мотив у них совершенно другой. Им просто нравится атмосфера. Берут в руки то одну, то другую книгу, рассматривают обложку, читают аннотации, вдыхают неповторимый запах книжных страниц. В итоге, приносят на кассу целую стопку литературы, часто настолько разношерстную, что странно представить, как уживутся любовные приключения и тайны атомной физики. Этот тип я без затей окрестила «фанатами». И, что скрывать, они – мои любимчики.

Вскоре я обзавелась компанией нескольких лиц, которых сложно представить вместе, если бы не общая страсть к чтению. Иван Алексеевич Бунин, бывший преподаватель истории. Импозантный седой джентльмен, всегда в костюме и при галстуке, с неизменной тростью, атрибутом, скорее, первой необходимости, нежели моды, потому что он сильно хромотал. Инна, продавщица из супермаркета, девица с рва-

ной челкой и татушками на запястьях, сыпавшая слова скороговоркой так, что часто сложно было разобрать, о чем она говорит. Карина, скромная домохозяйка и мать четверых детей, находившая в чтении источник вдохновения для того, чтобы справляться со своими многочисленными отпрысками. Когда позволяли дела, к нам присоединялась еще и Вита.

– Книгочеи, на мой взгляд, люди слегка «повернутые», в самом хорошем смысле этого слова, – увлеченно вещала она. – У них особый взгляд на мир, сквозь призму литературного багажа. Им редко бывает скучно с собой или с миром, потому что рядом всегда есть книги. У них богатый жизненный опыт, хотя бы в теории, потому что они «прожили» жизни сотен героев и героинь. Они (пусть виртуально) побывали в самых разных странах и исторических эпохах, на каждый вопрос или ситуацию у них наверняка найдется уместная и ценная цитата. И их отношения с книгами для них ценны не менее, чем отношения с людьми. Впрочем, почему я говорю «они»? Я ведь сама такая. Читаю я, сколько себя помню. Без книг, подобно стругацковским «мокрецам», чахну. Собираю библиотеку, причем книги покупаю с большей радостью, нежели косметику или украшения. Не столько читаю, сколько перечитываю. Люблю делиться впечатлениями. Люблю проводить аналогии.

Я слушала эти откровения, затаив дыхание, настолько они совпадали с моими личными переживаниями. В который раз я подумала, что мир книг – особенный, волшебный. Тому,

кто попадает под его влияние, уже не суждено освободиться. Поэтому появления своих новоиспеченных сообщников, какими бы разными они ни были, я ждала с трепетом.

После недолгих сомнений я попросила продавцов из соседнего магазина перенести вниз диван и кресла из комнаты, где меня впервые принимал Саймон. Все равно кабинет он будет обустраивать уже после того, как я закончу разбирать книги. У нас появился уголок для книжных собраний. Вернее, мои новые единомышленники устраивались там с кофе, а я продолжала сортировку, участвуя при этом в оживленных дискуссиях.

– Давно мечтала о подобии книжного клуба, – делилась со мной Карина, – чтобы можно было вот так собираться вместе. Можно устраивать чтения вслух, обсуждать прочитанное, даже выносить на повестку дня насущные проблемы и пробовать найти решение с помощью книжных аналогий.

Иван Алексеевич, любивший подтрунивать над тем, что от знаменитого тезки ему досталась лишь фамилия, но ни капли таланта и воображения, строго посмотрел на нее поверх очков:

– Идея прекрасная, непонятно мне только одно. Почему Вы до сих пор ее не осуществили?

– Понятно, почему! – фыркнула Инна, – с ее-то чертеньками! Тут свое имя забудешь, не то, что держать в голове столько идей!

Инна знала, о чем говорит. Работники супермаркета со-

дрогались, когда в дверях появлялась дружная четверка сыновей Карины: чумазые погодки, сплошь веснушки, разбитые колени и буйный неуправляемый нрав!

Карина вздохнула:

– Инна права! Я только недавно начала думать о чем-то, выходящем за пределы детской темы. Когда Ярик пошел в школу, у меня появилось хоть немного времени на себя. И то, сижу тут с вами, а сама думаю, что дома остались стирка и немытая посуда! Хорошо еще, муж разрешает мне отлучаться из дома!

– Разрешает? – подняла Инна проколотую бровь.

– Ну, даже настаивает. Видимо, понял, я окончательно сойду с ума, если не буду хоть иногда отдыхать!

– Кстати, Ульяна, может, Вы предложите господину Чернову идею с клубом? – обратился ко мне Иван Алексеевич. – И место здесь подходящее! Уверен, желающих наберется. Многие переживали, когда магазин закрылся. Теперь приходится довольствоваться скромным ассортиментом местной библиотеки или заказывать книги по почте, удовольствие, скажу, не из дешевых!

– Там, где я работала раньше, мы по субботам организовывали тематические вечера с читателями. Странно, что здесь так не делают, – откликнулась я.

Мне понравилась идея Карины. Я не призналась, что давно уже веду дневник (я назвала его «книгководитель»), куда записываю тематические подборки на все случаи жизни.

Так мне легче было помочь читателям найти нужную книгу. Герои переживают определенные ситуации: поиски себя, измену, развод, сложности с детьми. Но также я составляла и списки книг, которые помогут, например, научить находить чудеса и повод для радости в повседневной жизни. Или вдохновлять реализацию мечтаний. Или просто дарить часы такого неспешного наслаждения, смакования увлекательным сюжетом.

Давно заметила, мы начинаем следовать книжным советам, не потому что сами не можем догадаться, что и как делать, а потому что заряжаемся чужим примером. Когда люди вдохновенно, увлекательно, вкусно, завораживающе, с юмором пишут о том, как было и как стало, это всегда побуждает к действию. И неважно, идет ли речь об уборке, похудении или написании книги.

А если к впечатлению от прочитанного добавится еще и живое обсуждение, целительный эффект может превзойти все ожидания! Стоит спросить у Саймона, как он отнесется к этой идее. Если проводить встречи, скажем, раз в неделю, то это не помешает его работе, даже когда он обустроится наверху. Просто согласовывать время. Я пообещала, что узнаю у него о дальнейших планах насчет магазина, и мои посетители разошлись. Карина торопилась забрать сыновей из садика, Инна – на смену, а Иван Алексеевич с присущим ему чувством такта просто не хотел обременять меня своим присутствием.

Я проводила гостей и, развернувшись, окинула взглядом зал. Мое воображение рисовало мне будущие встречи. За окном раздался автомобильный сигнал, приехал Матвей. Вздохнув, я вернулась от мечтаний к действительности, и пошла к двери.

С Саймоном в этот вечер мне поговорить не удалось. Он не спустился к ужину, передав через Сабрину, что ему нужно ответить на важное письмо. Поэтому, после недолгих колебаний, я решила прогуляться за пределы двора. Мне хотелось дойти до обрыва на востоке. До сих пор не выдалось времени туда добраться. Я сильно уставала после работы в магазине, общалась с Саймоном, ходила купаться с девочками.

Сегодня мне захотелось еще раз обдумать идею книжных посиделок, а для этого ничего нет лучше, чем неспешная длительная прогулка. До темноты еще долго, да и заходить далеко в первый раз не буду.

Забросив в комнату сумку, я направилась к калитке. Но через несколько шагов по узенькой тропинке остановилась в нерешительности. Передо мной раскинулся довольно глубокий овраг, через который был переброшен деревянный мостик, не внушавший доверия. Из-за высокой травы этого неожиданного препятствия сразу не было видно. Не то, чтобы я боялась высоты, но идти по качающемуся мосту была не готова. Пока малодушно прикидывала, не стоит ли вернуться, за моей спиной раздалось:

– Не бойся, на проверку он надежнее, чем на вид!

Я обернулась, досадуя, что не удалось уйти незаметно. Матвей оглядел меня с ног до головы бесцеремонным взглядом, к которому я уже начала привыкать.

– Далеко собралась?

– Погулять.

– Вот как? Тогда с тропинки не сворачивай и со всякими подозрительными волками не заговаривай!

Я невольно улыбнулась, решительно ступила на мост, перевела дыхание и осторожно пошла вперед. Матвей меня все же догнал. От его широкой поступи мост качался сильнее, чем от моей. Я же не могла даже обернуться, чтобы попросить его остановиться.

– Слушай, а ты не боишься заблудиться? – любопытствовал он, когда мы оказались, наконец, на той стороне. – Места новые, незнакомые. Может, составить тебе компанию?

Хороший вопрос, правда, несколько запоздалый, если учесть, что мы уже на другой стороне оврага.

– Я хорошо ориентируюсь на местности.

– Но все же, все же.

– Матвей, – не выдержала я, – тебе что, заняться нечем? Неужели непонятно, что я хочу пройтись одна? Обязательно надо об этом говорить?

– Насколько меньше проблем было бы, если бы люди говорили прямо то, что думают! Я ведь могу не заметить твоих

намеков. Впрочем, в данном случае и откровенность не поможет, потому что я твердо решил идти с тобой. Хочешь ты этого или нет!

– Почему?

– Чувствую ответственность за твою судьбу! Саймон поручил мне присматривать за тобой.

Это заявление меня почему-то неприятно задело. И, поддавшись общему тону беседы, я выпалила:

– Если ты сопровождаешь меня лишь по поручению, можешь не беспокоиться. Я уже большая девочка, и не собираюсь уходить далеко.

– О, вот этого я и ждал! Значит, на самом деле ты вовсе не против, чтобы я с тобой пошел. Только хочешь, чтобы это было мое личное решение, а не просьба Саймона! Ульяна, Ульяна, как легко тебя вывести на чистую воду.

Я отступила, досадуя. Общась с Матвеем, вечно попадаю впросак. И тут меня осенило:

– Саймон ничего не говорил тебе, так?

Матвей рассмеялся:

– Ну, скажем, он и впрямь просил помогать тебе во всех делах. Саймон, он такой, курица-наседка, несмотря на внешнюю сдержанность. Ну, а до каких пределов распространять свою заботу, я решаю сам. Только учти, мы теряем время и рискуем дожждаться заката. Может, перестанешь упрямиться, и мы все же пойдем дальше?

Не отвечая, я двинулась по тропинке. Матвей, конечно же,

пристроился рядом, сдерживая свой широкий шаг, чтобы меня не обгонять. Вдохнув терпкий запах трав, я почувствовала, как распрямляются плечи. Вот чего так не хватало все эти дни! Обустроиваясь на новом месте, принимая дела, знакомясь с обитателями дома, я совсем забыла, как важно для меня чарующее степное безмолвие. Много лет пешие прогулки служили верным средством спасения от мрачных мыслей и воспоминаний. Ладно, про книжный клуб подумаю в другой раз, а сейчас просто буду наслаждаться прогулкой!

Присутствие Матвея меня не смущало. Наоборот, я была даже рада, что есть с кем разделить величественную природную красоту. Хотя, скорее, он был здесь хозяином, а я – гостьей. Не знаю, почему компания Матвея меня не тяготила. Может, потому что он молчал, словно понимая неуместность шуточных разговоров в такой обстановке? Или, потому что мы не были связаны с ним ничем, кроме нескольких дней знакомства? Он ничего обо мне не знал, и не надо ни оправдываться, ни настораживаться.

Я понимала, если мы будем общаться дальше, расспросы неизбежны. Пока же Матвея больше интересовали мои реакции и эмоции, чем детали моей биографии. Приятно чувствовать себя человеком без прошлого, когда важен лишь текущий момент. Не потому ли, внезапно подумалось мне, так много людей рвут отношения и заводят новые? С тем, кто о тебе ничего не знает, можно попробовать стать таким, как хочется. Не бояться, что о тебе уже сложилось определенное

мнение, которое так непросто переломить в отношениях, тянувшихся много лет.

Интересно, какой я кажусь здесь? Не только Матвею, а всем, с кем успела познакомиться? Не замкнутой, но сдержанной? Не отчаянной, но смелой? Не рассеянной, но мило-наивной? Хотелось бы так думать, но я не еще дошла до такой степени откровенности, чтобы спрашивать других, какое произвожу на них впечатление.

На развилке я хотела свернуть влево, но Матвей решительно подтолкнул меня вправо. Секунду я колебалась, не взбунтоваться ли, но решила ему довериться и не пожалела. Буквально через пару мгновений мы вышли к ручью. Прозрачный родничок, извиваясь причудливой лентой, весело перепрыгивал с камня на камень, теряясь в густой траве. Через него были перекинuty дощатые мостки, а чуть ниже по течению поблескивала лопастями крошечная водяная мельница. Возле нее лежал огромный, поросший мхом валун, на котором мы расположились рядышком. И какое-то время сидели в молчании, глядя на вращение крохотных лопастей. Через какое-то время я заметила на другом берегу ручья деревянные домики, полускрытые в траве. От них спускались тропинки, выложенные цветными камушками, а в воде, привязанная к колышку, плескалась лодочка из бересты.

Я пришла в такой детский восторг и изумление, что не выдержала и первая нарушила молчание.

– Господи, это что такое? Здесь живут гномы?

Матвей рассмеялся, явно польщенный произведенным впечатлением:

– Знал, что ты проникнешься!

Что-то в его словах заставило меня насторожиться:

– Слушай, это ведь все ты? Ты сделал?!

– Расстарался для сестрички. Мы часто приходим сюда, караулим местных жителей. Правда, пока они ни разу не появились, но Илона не теряет надежды!

Я посмотрела на него словно другими глазами. Матвей, насмешливый балагур, оказался фантазером-умельцем, придумавшим волшебную страну для маленькой девочки. Кто бы мог подумать! У меня перехватило дыхание, а он, словно прочитав мои мысли, вскинул руки:

– Тихо-тихо, не надо умиления, а то я сам расчувствуюсь!

– Вот почему ты такой?

– Какой?

– Как только начинаю о тебе думать хорошо, ты все портишь!

Он пожал плечами:

– Защитная реакция, наверное. Не хочу производить ложное впечатление. Предоставляю тебе редкую возможность самой разобраться, какой я есть.

– И зачем это нужно мне?

– Тебе – не знаю, – сверкнул он улыбкой, – это уж сама решай.

– А тебе? – не стала я вредничать и задала вопрос, которого он ждал.

– Мне? Ну, это же шанс – появляется новый человек, который тебя совсем не знает, есть возможность понять, каким я выгляжу со стороны.

Я покосилась на него, пораженная, что он озвучил то, о чем я сама только что думала.

– Ну, пока ты производишь худшее впечатление, чем мог бы, как я думаю.

– Вот как? – оживился он. – Почему?

– Потому что своими шуточками и ехидными репликами сводишь на нет то хорошее, что о тебе начинают думать. Как будто боишься, что доброта и щедрость души сделают тебя уязвимым, и поспешно надеваешь маску циника.

– Не в бровь, а в глаз, Ульяна! Браво! Я же говорю, защитная реакция.

– И от кого ты вынужден защищаться?

Он встал, протянул мне руку:

– Время откровений еще не настало. Идем дальше?

– Какие сюрпризы нас ждут?

– Увидишь!

Он пошел впереди, словно досадуя о нашем разговоре. Сам же напросился! Глядя в его широкую спину, я думала о том, как же интересен человек и как много он вмещает в себе. Живя в городе, я привыкла воспринимать людей схематично, ведь обо всех все знала. Нина Прохоровна – стро-

га, но справедлива. Оксана, моя коллега, – зануда и скряга, от нее вечно жди подвоха. Мама – абсолютно неприспособленная к реальности, ее можно напугать резким звуком. Ее приятельницы – ограниченные мещанки, которых заботят лишь перипетии телесериалов.

Каждый шаг и слово всех, с кем мне доводилось общаться в последние годы, был взвешен и предсказуем. Даже читателей за многие годы работы в библиотеке я изучила досконально. Знала их литературные вкусы и предпочтения, подробности жизни, манеру общаться и сезонные изменения в гардеробе. Последним, кто удивил меня своим поведением, если это можно так назвать, был бывший муж. Уж его-то поступок полностью перевернул мою жизнь, сломав привычный уклад.

После этого стабильность и размеренность стали мне надежным убежищем, чтобы пережить случившееся. А сейчас я не знала, что будет завтра, с какими людьми сведет меня судьба и что мне даст общение с ними. Не значит ли то радостное волнение, с которым я воспринимала перемены, что я возвращаюсь к настоящей жизни? И душа моя постепенно оттаивает?

Импульсивность, побудившая меня написать Саймону и приведшая меня сюда, полностью оправдывалась. Во мне вновь пробуждался интерес к миру и людям. И тут же я подумала, а не было ли это малодушием – сбежать в новое место? Дома все знали, что и когда со мной произошло, и как я по-

ступила, и что я говорила (вернее, НЕ говорила – и это, пожалуй, было самой главной претензией в окружении, где все случившееся становится общим достоянием молвы мгновенно).

Я знала, что меня считают высокомерной, потому что ни с кем не делилась своими переживаниями и решительно пресекала все попытки мне посочувствовать или что-то посоветовать. В то время книга – любая книга – стала для меня надежным прикрытием, чтобы прерывать бестактные проявления любопытства. Где бы ни появлялась, я пряталась за нее, как за ширму, избегая тем самым ненужных разговоров.

Да, я смогла уехать. И могу не возвращаться совсем, хотя чувство вины перед мамой вряд ли позволит мне этого сделать. Способна начать новую жизнь и стать той Ульяной, спокойной и уверенной, какой была много лет назад. Способна ли, ведь я все равно буду помнить о том, что побудило меня переехать, а если называть вещи своими именами, то просто сбежать? Всем героям мудрые наставники рекомендуют смело взглянуть в лицо своим страхам и сомнениям, ведь только так можно преодолеть препятствия на пути к желаемой цели. А просто выкинуть за борт прошлое, чтобы удержать равновесие, разве это правильный путь?

Задумавшись, я не заметила, что Матвей остановился, и с разбегу влетела носом в его широкую спину. Он обернулся, долго всматривался в мое лицо, потом тихо произнес:

– Когда впереди поджидают чудеса, не время грустить!

Смотри!

И он показал мне сюрпризы, припасенные им для Илоны. Сундучок с милыми детскому сердцу безделушками, надежно спрятанный в корнях дерева и присыпанный опавшей листвой. Развешанные на ветвях подвески из хрусталя и цветных камушков, которые, переливаясь на солнце, отбрасывали радужные блики.

Незаметно мы сделали круг и вернулись на развилку.

– А ты не боишься, что их кто-то найдет, украдет или сломают? – спросила я, когда мы возвращались.

– Сюда никто не забредает, – пояснил он, – туда, к обрыву, приезжают фотографироваться молодожены. А берег слишком неудобно изрезан, нельзя ни искупаться, ни порыбачить. Осенью, бывает, бабульки шиповник собирают, но они, как понимаешь, ничего ломать не станут. Даже случись такое, я для Илоны что-то новое придумаю.

Только теперь я поняла, что яблоки, развешенные на нитках в беседке и плавающий в садовом пруду дебаркадер – не часть декора, а тоже придумки для Илоны. Надо будет в следующий раз внимательнее присмотреться, гуляя по саду, наверняка, меня еще ждут открытия.

Я порывисто обняла Матвея за шею и поцеловала в щеку:

– Ты – настоящий волшебник! Повезло Илоне со старшим братом!

Мы уже стояли у калитки. Для Матвея поцелуй стал, видимо, совершенно неожиданным. Он замер, но ничего

не сказал, за что я была ему бесконечно благодарна. Я поспешно отстранилась и убежала во двор, смущенная своим поступком. За ужином он, впрочем, был весел и беззаботен, как всегда. Но, вернувшись в комнату, я обнаружила на прикроватной тумбочке букетик терпко пахнущих степных трав, перевязанный ажурной тесьмой и записку: «Чудеса открываются тем, кто в них верит». И когда он только успел? Засыпала я в этот вечер абсолютно счастливая. И всю ночь, совсем как в далеком детстве, мне снились яркие сны.

Книги для тех, кто готов поверить в обыденные чудеса

1. Фрай М. «Ветры, ангелы и люди»
2. Пикколо Ф. «Минуты будничного счастья»
3. Делерм Ф. «Глоток пива и прочие радости»
4. Боттон А. «Искусство путешествовать»
5. Флэг Ф. «Рождество и красный кардинал»
6. Ахерн С. «Как влюбиться без памяти»
7. Ковалева В. «Все о феях».
8. Брэдбери Р. «Вино из одуванчиков»
9. Портер Э. «Поллианна»
10. Кэнфилд Д., Хансен М. В., Ньюмарк Э. «Куриный бульон для души».

Глава 8

С этого дня походы в степь стали доброй традицией, тем более теперь, когда я знала, что опасаться некого. Я пока еще стесненно чувствовала себя среди членов семьи Саймона, ведь к ним не принадлежала. При этом, узнавая хитросплетения отношений между ними, проникалась то сочувствием, то негодованием, то желанием помочь.

Как ни странно, первым человеком, вызвавшим во мне подобное желание, стала... Анжела. Еще во время совместных ужинов я заметила, что Саймон держится с ней прохладно, Мила Сергеевна снисходительно, а Бри отстраненно-вежливо. Если свекровь и падчерицу еще можно было понять, то почему муж третирует жену, оставалось для меня загадкой.

В одну из прогулок по саду я заметила в огороде женщину в свободном джинсовом комбинезоне, резиновых перчатках и широкополой шляпе, скрывающей лицо. Приняв ее за помощницу Милы Сергеевны, я подошла поздороваться. Каково же было мое удивление, когда незнакомка обернулась на мое приветствие, и я увидела Анжелу! Вспотевшую, покрасневшую, немного испачканную землей. Ее длинные волосы были надежно убраны под шляпу.

– Извините, – сказала я, оправившись от первого смущения, – я Вас не узнала!

– Ничего, – улыбнулась она, – мало кому верится, что по-

сле нью-йоркских подиумов я снизойду до копания в грядках.

– Подиумов?

Я догадывалась по внешности, что Анжела наверняка принадлежала к миру моды, и сейчас ухватила за подсказку: мне было любопытно узнать о ней больше. А она явно смутилась:

– Не думайте, что я хвастаюсь. Этот период моей жизни был недолгим и, в общем-то, случайным. Если честно, возиться в саду мне нравится намного больше, хотя в это никто и не верит.

Вот, опять она ссылается на невнятного «кого-то», не разделяющего ее интересов.

– Значит, Вы работали в модельном бизнесе? А садоводство самостоятельно осваивали или учились где-нибудь? Я вот, к стыду своему, хоть и сельская жительница, ничего, кроме укропа с петрушкой, никогда не выращивала. А у вас тут и цветы, и овощи, и фрукты.

Анжела вытерла рукой лоб, оставив грязную полосу, но ее, похоже, это, несколько не смутило.

– Тетка, которая меня растила, занималась разведением рассады и овощей на продажу. И с самого раннего детства мы с сестрой должны были ей помогать. Сами понимаете, детям работа всегда кажется нудной, но мне почему-то нравилось. Особенно, когда меня оставляли одну на прополке или поливке. С растениями я себя чувствовала спокойнее,

чем... с людьми.

Я заметила запинку в ее рассказе и решилась на подробные расспросы. В конце концов, если Анжела сочтет меня бестактной, в любой момент может оборвать. Пока же я была настолько удивлена, что она снизошла до разговора со мной, что спешила подробнее узнать о ее биографии.

– Тяжело Вам, наверное, пришлось? С теткой?

Анжела вздохнула и поведала вот что. Ранние годы своего детства она помнила только по рассказам сестры: в каком светлом доме они жили, какая добрая у них была мама и какой ласковый папа. Позже она задумается, не была ли эта идиллическая картинка просто выдумкой, чтобы убежать от суровой реальности? Но спросить будет уже не у кого.

Тетка взяла Анжелу с сестрой к себе, когда их родители погибли в аварии. И не уставала повторять, как им повезло, и как они должны быть ей благодарны. Могли бы в приют попасть. Вот только на самом деле она взяла девочек не из милосердия, а приобрела себе бесплатную рабочую силу. Еще и пособие получала. Конечно, девчонкам, двум дочерям и племянницам, она доверяла только черную работу: поливать и пропалывать грядки, собирать созревшие овощи. Рассадой занималась сама. Но и того хватало, чтобы заполнить целый день.

Работу по дому тоже никто не отменял, семейство было многочисленным: тетка, дядя, двое старших сыновей-подростков, две дочки и Анжела с сестрой. Была еще старая баб-

ка, которая считалась полоумной и которую дети боялись, стараясь реже попадаться ей на глаза. Сначала Анжеле поручили хлопоты по дому, нужно было вытирать пыль, мыть полы, застилать постели. Работа несложная, но для маленькой девочки – выматывающая. Но вскоре тетка заметила, что девочка медлительная и делает все, хоть и аккуратно, но подолгу замирает то на ступеньках лестницы, то у окна. Тогда она отправила ее на огород.

– Может, хоть на свежем воздухе проснешься и половчее станешь!

Анжела была только рада. В доме постоянно толкался народ, здесь же ей отвели отдельный участок, и она оказалась предоставлена сама себе. Мысли ее скользили неторопливо, неясные образы и обрывки фраз, которые она не могла сформулировать. Книг в доме не было. Телевизор, новостной канал, смотрел только дядя. «Коррупция, вмешательство, посе́вы, инфляция» – эти слова не говорили Анжеле ничего. В школу она отходила год, потом тетка перевела их с сестрой на домашнее обучение, официально – по причине слабого здоровья. Врач, получив щедрое подношение в виде нескольких ящиков с овощами и фруктами, быстро выписала нужные справки.

– Писать-читать научились, и будет с вас! – объяснила тетка девчонкам, – меньше будете себе голову забивать всякой ерундой. Нужно делом заниматься, не задарма же мне вас кормить!

Трудно расширять кругозор, читая только инструкции на пакетиках с семенами и магазинные вывески. Из окна своей спальни Анжела наблюдала смену сезонов, но не смогла бы толком объяснить, почему дождь превращается в снег и почему листья из зеленых становятся желто-красными. Жизнь проходила мимо во всем ее многообразии, задевая сознание девочки лишь самым краем.

В этой семье все силы были сконцентрированы на выживании, на работе, на зарабатывании денег. Собираясь вместе за ужином, обсуждали, где дешевле можно взять удобрение, когда починят трактор, по какой цене сбывать продукцию. Никто и никогда не интересовался, о чем дети думают и переживают. Здоровы, сыты, одеты, при деле – и довольно.

Анжела росла, получая информацию об окружающем мире лишь на основе собственного опыта или обрывочных рассказов кузин. С другими детьми они никогда не играли, «огородных девиц» не любили и сторонились. В тринадцать лет она потеряла последнего близкого человека: ее старшая сестра сбежала из дома с дальнобойщиком.

– Все, закончилась каторга! – горячо шептала она, – теперь я свободна, уеду, повидаю мир. А потом вернусь и обязательно заберу тебя отсюда, ты только потерпи, ладно?

После этого Анжела не получила от сестры ни одной весточки и не знала, что с ней случилось.

Тетка кричала, что они – неблагодарные девчонки, не оценившие своего счастья. У них есть семья, крыша над голо-

вой и верный кусок хлеба. Чего еще не хватало? «Свободы», – подумала Анжела, но сказать не решилась. Озвучил ее мысли кузен, здоровенный детина, не пропускавший ни одной юбки. Насмехаясь, во всех красках обрисовал, чем будут заниматься сестра и ее дальнбойщик, так что Анжелу всю ночь мучили кошмары. Эта сторона жизни представлялась ей какой-то темной душащей силой, толкающей людей на безумные поступки.

И в то же время она завидовала сестре, ведь теперь та сможет делать, все что вздумается, без оглядки на тетнины окрики. Сама она не решилась бы на побег, слишком опасным казался внешний мир. В доме все было безрадостно, но привычно. И все же Анжела начала мечтать, что когда-нибудь ее жизнь изменится. Несмотря на то, что она постепенно начала расцветать и превращаться в прелестную девушку, на которую уже заглядывались на улицах, в душе оставалась сущим ребенком, наивным и бесхитростным. Судьба, как это часто и бывает, подстерегла неожиданно: на улице к ней подошел модный агент. Он рассыпался в комплиментах и вещал о блестящих перспективах. Своей развязной настойчивостью лишь напугал девочку. Она торопливо распрощалась и бросилась домой. Он отследил ее путь и тем же вечером явился к ним, поменяв тактику и решив напирать на родителей.

Ситуация в доме к тому моменту сильно изменилась. Дядя полгода лежал, парализованный после несчастного слу-

чая. Старший кузен уехал в другой город. Обе кузины вышли замуж, обросли своим хозяйством и помогать матери не спешили. Тетку стали мучить боли в спине и ногах, и проводить весь день в огороде она уже не могла. Требовались кардинальные перемены, и вот они пришли в облиии бело-зубого агента. Тетка быстро взвесила все «за и против». Она не одобряла модельного бизнеса, но это сулило сумму, многожды превышающую доход от огородничества. И как официальный опекун Анжелы, могла требовать себе большую часть денег. Она лишалась никчемной помощницы, а приобретала курицу, которая может начать нести золотые яйца!

Анжела изумилась, когда тетка, с несвойственной ей лаской в голосе, заявила:

– Это хороший шанс для тебя, деточка! Попадешь в большой город, людей посмотришь, кто знает, может, пробьешься в знаменитости! Да и деньги немалые! Не переживай, всю работу с контрактами я возьму на себя, пусть твоя светлая головка об этом не болит. И денежки будут целые, уж я пригляжу! Потом захочешь – учиться пойдешь, захочешь – дом купишь!

Дальше события понеслись с такой скоростью, что Анжела не успевала перевести дух. За месяц был заключен контракт с агентством, оформлены документы, собраны вещи, и Анжела обнаружила себя на съемной квартире с тремя такими же «счастливицами», а из окна открывался вид на переливающийся огнями Нью-Йорк. После уединенной жиз-

ни в провинции мегаполис просто ошеломил ее. Сверкающие неоновыми вывесками улицы, толпы людей, шум, грохот. К тому же она оказалась совершенно неприспособленной к многим вещам, которые большинству ее новых знакомых казались обыденными.

Новая работа произвела на нее куда менее яркое впечатление, чем это можно было предположить, когда юная провинциалка попадает в мир большой моды. А все потому, что ей приходилось преодолевать огромное внутреннее сопротивление и постоянно быть начеку, чтобы не попасть впросак. Впрочем, как она быстро поняла, от девочек-моделей никто не ждал ни изысканных манер, ни цветистых речей, слишком сильны были стереотипы о них, как о красивых пустышках. Она вырвалась из-под удушающего теткиного гнета, она зарабатывает немислимые деньги, чтобы обеспечить себе будущее – этого достаточно, чтобы каждый день благодарить судьбу за предоставленный шанс.

Но самым сложным, как ни странно, оказалась оторванность от земли. Анжеле, выросшей среди полей, в окружении ароматных трав и птичьих трелей, жить в шумном пыльном мегаполисе было трудно. Она, конечно, выбиралась в Центральный парк, но и там на каждом углу подстерегали толпы празднующихся туристов, музыка, велосипедисты. А ей хотелось уединения и тишины. Анжела стала выращивать на подоконнике ароматные травы, чем немало повеселила своих соседок, но позже те оценили, что на завтрак

у них всегда есть свежая зелень.

– Так что, – улыбнулась Анжела, – когда мы приехали в Россию, и в Москве у нас появился свой двор, я вернулась на огород и не жалела, что ушла из модельного бизнеса.

Меня раздирал миллион вопросов. Выходит, Анжела бросила работу после замужества? Интересно, а как она познакомилась с Саймоном? И что случилось с ее теткой? И... Но я понимала, что сейчас не время об этом спрашивать. Анжела и так, похоже, жалеет, что разоткровенничалась со мной. Мы поговорили еще немного о том, что ей прежние хозяйева держали двор в идеальном порядке, все удобно устроено, да и Матвей помогает там, где нужна мужская сила. Сошлись на том, что каждый день иметь на столе овощи-фрукты со своей делянки, это здорово. И, распрощавшись, я отправилась на прогулку.

Именно тогда я прониклась к Анжеле сочувствием. На первый взгляд она производила впечатление отстраненной и замкнутой особы, отчасти благодаря модельной внешности, отчасти из-за своей манеры держаться. Теперь я понимала, что она довольно застенчива и робка по натуре. Люди не решаются к ней приблизиться, а ей не хватает смелости первой налаживать контакт. Неудивительно, что она с такой готовностью поддержала со мной разговор. Похоже, ей довольно одиноко жить, не имея подруг. А с семьей, как я уже видела, отношения довольно напряженные. И причина кроется явно не в Анжеле. Свекровь можно понять. Если

Анжела – вторая супруга Саймона, то вряд ли его мать с радостью приняла известие о разводе сына. А вот что Анжела такого сделала, что Саймон к ней охладел? Меня, конечно, это не касалось, но сложно был каждый день сталкиваться с этими людьми и не интересоваться хитросплетениями их отношений.

Единственное, что я не могла понять, так это дистанцию, которую Анжела держала по отношению к дочке. Впрочем, теперь я допускала, что есть причины, о которых я просто не знаю. Пока. Что-то мне подсказывало, что это была не последняя наша беседа.

Глава 9

К событиям, происходившим в доме, я мысленно возвращалась куда чаще, чем к собственным делам. Но и они требовали внимания. Например, почему Саймон так отреагировал на мое предложение о книжном клубе? Я-то была уверена, он с энтузиазмом отнесется к данной идее, но получилось совсем по-другому. Выслушав мою речь, он изменился в лице и, сурово сжав губы, спросил:

– Уна, позволь спросить, почему ты вообще устраиваешь подобные посиделки в магазине без моего ведома? Кажется, я предупреждал, чтобы людей в помещении не было. Кто-то возьмет одну книгу полистать, кто-то попросит другую. И система собьется, что-то может пройти мимо списка. Разве мы не условились, что ты раздаешь книги за пределами помещения?

Я растерялась. Не столько от вопроса, сколько от ледяного тона, которым он был задан.

– Простите, Вы не подумайте, я в это время не сижу, а продолжаю сортировать книги, так что на работе это никак не сказывается. Да и заходят они не так часто, может, пару раз в неделю. И книг никто не просил. Я как раз и спросила Вас о клубе, чтобы легализовать эти встречи...

– Никакого клуба не будет! – отрезал Саймон. – Меня это не интересует! И впредь попрошу воздержаться от подобных

посетителей! Я нанял тебя для конкретного дела. И не хочу, чтобы магазин превратился в проходной двор. Никаких гостей, ясно?

– Ясно, – пролепетала я испуганно и поспешно убралась из кабинета.

Честно сказать, я ничего не понимала. Ладно, допустим, ему эта идея не интересна. Но откуда столько агрессии? Чего он опасается? Что мы разнесем магазин? Или что библиотека пострадает? И вообще, в который раз я возвращаюсь к мысли, что это очень странно – держать в городе отдельное здание с книгами якобы для работы. Что-то здесь не так!

Саймон на этом не успокоился. Вечером он приехал в магазин, причем застал врасплах нашу компанию, которой я как раз пыталась объяснить, что ничего из затеи не выйдет. И заодно старалась максимально обелить Саймона в глазах его искренних почитателей. Когда он зашел в зал, мы замерли, как дети, застуканные за какой-то шалостью.

– Уна, можно тебя на пару слов? – все тем же холодным тоном осведомился он и, небрежно кивнув гостям, которые застыли при виде знаменитости, увел меня на второй этаж, в опустевший кабинет. – И как это понимать? – спросил он, отойдя к окну и повернувшись ко мне спиной, так, что я не могла видеть выражения его лица.

– Простите, Саймон, я как раз объясняла им, что собраний здесь больше не будет. Вы же не думаете, что я могу что-то делать за Вашей спиной, когда Вы оказали мне доверие,

взяв на работу? Поверьте, я Вам бесконечно благодарна и...

– Хватит! – прервал меня Саймон, – Да, я доверяю тебе и, надеюсь, ты меня не подведешь! Меньше всего мне хотелось бы сейчас подыскивать новую помощницу!

Я уловила смысл его послания. Ему не жаль будет расстаться именно со мной, ему просто не хочется лишних хлопот! Проглотив обиду, я застыла, не зная, что ответить, но Саймон заговорил сам:

– К вечеру, будь добра, верни мебель в кабинет! И, на будущее, если решишь что-то поменять, то...

Тут Саймон замер на полуслове и уставился в окно. Я подошла к нему и тоже застыла в изумлении. Вдоль по улице удалялась Сабрина, которую держал под руку гигантский фиолетовый заяц.

Подробности всего, что описано ниже, я узнаю от Сабрины чуть позже, когда с ней, как и с Анжелой, мы начнем постепенно сближаться. В ее изложении версия событий выглядела примерно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.